

Б. Конофальский
РЕЙД. ОАЗИСЫ

Книга 6
МЕТЕМПСИХОЗ

18+

Борис Конофальский

**Рейд. Оазисы книга
6 МЕТЕМПСИХОЗ**

«Автор»

2026

Конофальский Б.

Рейд. Оазисы книга 6 МЕТЕМПСИХОЗ / Б. Конофальский —
«Автор», 2026

Книга писалась под огромным психологическим давлением со стороны необузданных фанатов Горохова Андрея Николаевича. С которым я пытался распрощаться навсегда, чтобы начать новые вселенные. В общем... Вышло - что вышло.

© Конофальский Б., 2026

© Автор, 2026

Борис Конофальский

Рейд. Оазисы книга 6 МЕТЕМПСИХОЗ

Рейд. Оазисы

Книга 6

Метемпсихоз

Глава 1

Пумм, и... звон в ушах...

Очень близко. Он почувствовал, как взрывная волна рванула полу его пыльника, хотя он был за укрытием. А ещё оглушила его... Но не настолько, чтобы он не слышал, как щёлкают стальные шарики, начинка гранаты, когда рикошетят от бетона. И ещё его накрывало ощущение обжигающей жары. Он, перед тем как сработала граната, упал на бетон... Успел до того, как она хлопнула под ногами не понимающих, что происходит, существ. Упал рядом с бортиком, который и закрыл его от ударной волны и от осколков. Вот только падал он на бетон с привычной уверенностью, что его правая рука при нём... А её уже не было. Он просто шмякнулся кулем, чуть ударившись головой о бортик... едва не повредив превосходные свои очки. А теперь лежал и... осознавал в себе новую боль... которую ещё не испытывал до этого времени. Скорее даже, то была не боль, а какое-то саднящее ощущение оголённых тканей... тканей, потерявших кожу... Он чувствовал жару, иссушающий зной... Нагнетатель респиратора, облегчая дыхание, загонял ему в лёгкие воздух, наполненный взвесью сожжённой взрывчатки из гранаты, фильтры очищали его по мере сил, но они были рассчитаны на степную пыль и болотную пыльцу... В общем... Горло першило... Ему было по-настоящему плохо...

Но не в первый раз, не в первый раз... Все эти ощущения, все эмоции, вся жалость к себе, желание прижать остаток руки к груди, выпить воды и отдышаться, и даже пищаний дозиметр... Всё это... всю эту чепуху... перекрывали, затмевали полностью две вещи: непреодолимое желание выжить в любой ситуации и давно выработанный и закреплённый мышечной, моторной памятью рефлекс. Рефлекс, обеспечивавший его выживание все годы жизни, давно уже ставший частью его «я». И сводившийся к самой простой формуле:

«Стрелять всегда нужно первым».

Первым. И особенно после разрыва гранаты. Когда противник ошарашен, оглушён, контужен, ранен или ослеплён... Нужно пересилить себя, даже если ты в таком же положении, как и он...

Надо! Начинать! Стрелять! А пищаний дозиметр, жажда и першение в горле... Это всё после. После.

У тебя есть всего... одна... две... три секунды, чтобы открыть огонь. Всё просто: не нужно ни о чём думать, не нужно прислушиваться к своей боли, к своим недомоганиям... Всё это потом... Просто нужно помнить об этих секундах...

«Ну же, вставай!».

Одна секунда после хлопка гранаты... Едва в ушах зазвенело, а он уже, оттолкнувшись коленом и локтем, переваливается на левый бок.

Две секунды...левой рукой достаёт револьвер из кобуры, которая находится на правом бедре... Попробуй ещё достань. Только на это уходят ещё секунды...

Четвертая секунда... Остатками правой руки, локтем взвести курок...

Пятая секунда...

«Да как же медленно всё...».

Он приподнимается... И видит над бортиком бассейна того чёрта с блестящей трубкой. Тот сидит на бетоне, держит в вытянутой лапе своё страшное орудие... Но, слава Богу, смотрит куда-то в сторону чёрных труб-деревьев...

«Старательные слуги, значит...».

Горохов ни о чём не думает, ничего не подсчитывает, не прикидывает и даже не целится, он поднимает револьвер... Дистанция меньше шести метров. Пусть рука ещё не тверда, положение у него неудобное, воздух сер от дыма взрывчатки, и чувствует себя он плохо, но человек, который стреляет с детства, не может промахнуться с шести метров.

Пахх...

И от твари, что срезала ему руку, вместе с чёрными брызгами отлетает серый кусок. Кусок какой-то угловатый, но небольшой... Рука существа сразу безвольно падает, да и само оно заваливается на спину. А Горохов уже встаёт на колено...

Пахх...

И у ещё одного существа, что положило руку на бортик бассейна и думало вставать, разлетается голова. От неё отлетает пара кусков с тёмными брызгами.

«Из чего они, интересно?».

На самом деле – нет, неинтересно. Андрей Николаевич приподнимается и видит ещё двоих, но эти только копошатся на полу, их как следует посеколо осколками гранаты, ещё он видит оторванную ногу одного из этих... уродов.

А один, находясь к нему спиной, пытается оторваться от бетона...

Пахх...

Дальше он вглядывается... Кажется, кто-то возле бортика ещё шевелился... Но там была свалена взрывной волной сразу пара тел... Именно в том месте разорвалась граната.

Он не мог сказать наверняка, но почему-то ему казалось, что он видит лапу-ногу этого наглого болтуна, Четвёртого модуля-организатора. Он не был уверен в этом, скорее ему так хотелось... Но зафиксировать ногу ему хватило и доли секунды, дальше его внимание... Его отвлекли...

Белая, идеально-прямая тонкая нить мелькнула... вспыхнула и пропала. Ему даже показалось, что нить исчезала, а вокруг того места, где она сверкнула, струился и дрожал воздух, как он струится и дрожит над раскалёнными барханами в полдень. Ни секунды не раздумывая, он разворачивается и...

Андрей Николаевич не увидел, не понял сразу, что в огромном помещении, в этом зале, больше похожем на раскалённую духовку, есть ещё один вход... И вот из него-то и вышли два других длинноголовых... Один шёл к нему, направив в его сторону блестящий стержень, шел во весь рост и не торопясь, а второй... Он просто двигался рядом с первым, у него даже стержня в лапах не было.

«Прогуливается... Пошёл за компанию? Ну... Не такие уж вы и умные!». Он почти не целится.

Пахх... Пахх...

У того, что был со стержнем в руках, отлетел кусок головы. Второй получает здоровенную револьверную пулю в грудь. И складывается на ходу пополам... Они не замирают на бетоне... Эти уроды, как выясняется, весьма живучи, человек, у которого отлетело полголовы, вряд ли стал бы ощупывать её и шевелить ногами...

Но, кажется, пока и этим хватило... Горохов оглядывается.

Вот теперь... Вода! От порохового дыма и дыма взрывчатки, повисших в этом зное серым облаком, дышать всё тяжелее. Ему нужно отдышаться и выпить воды.

«Фляга!».

Она у входа, и он, вставая, откидывает барабан револьвера, высыпая стрелянные гильзы на бетон, подбирает обрез, вешает его на шею и направляется к выходу, ко фляге. Проходит

мимо тел длинноголовых... Они побиты осколками гранаты... Эти существа вообще не походили на людей, от них после поражения отлетали небольшие куски, эти куски показались ему каким-то поролоном, пропитанным старым машинным маслом. Оно же сочилось из их тел. Ни одежды на них, ни каких-то аксессуаров... Только у того, что держал блестящий стержень, он увидел на торсе коробочку, прикрепленную к телу каким-то шнурком. Надо было нагнуться... поднять этот стержень... Но Горохов торопится... Находиться в этом зале просто невыносимо, можно и сознание потерять...

Перезарядить револьвер одной рукой – ещё то упражнение. Бывший оперуполномоченный, прижимая оружие обрубком руки, сам старался не смотреть на то, что от неё осталось... Кровь не шла, это уже хорошо, на грязном рукаве – на удивление ровный срез. Но он старается не заглядывать под ткань, не хочет видеть, что там... А под срезом нарастает саднящая боль, но это не та боль, которую нельзя вытерпеть... Сейчас ему нужно выпить воды... Хотя бы немного, пусть даже горячей.

Но до фляги он не добирается... В большом проёме появляется... бегун.

Андрей Николаевич с первого знакомства удивлялся этим подвижным тварям. Длинные ноги, как у саранчи, в сочетании с поджарым корпусом делали его невероятно быстрым, проворным... Большие глаза, крупная голова говорили о том, что он сообразительный... В руках у него было оружие... Тварь влетела в горячий зал, притом что бежала она не по прямой, а зигзагом, мощные лапы легко кидали её небольшой корпус вправо и влево... Она качалась из стороны в сторону при каждом шаге...

Пахх...

Поэтому тварь и избежала первой пули... Та улетела в большой проём за её спиной.

Промах не обескураживает его, не заставляет дёргаться и стрелять ещё раз... Наоборот, он собирается и сразу присаживается на колено, а бегуну, чтобы выстрелить в ответ, нужно было бы остановиться хоть на мгновение, чтобы вскинуть оружие... Он так и делает. Но выстрелить не успевает...

Пахх...

Первая пуля попадает в правую верхнюю часть его впалой груди... Она пробивает корпус твари навывлет и на мгновение ошеломляет её, но не валит с ног.

Пахх...

На этом всё, попадание чуть выше грудины, под горло – бегун заваливается навзничь, неудобно выворачивая задние лапы... Но он ещё даже не замер, а в темном проёме выхода из зала уже появилась новая фигура... Огромная, массивная... Даже на фоне входа в два человеческих роста. Мощный торс, мощные короткие ноги и крошечная лысая голова... Ушей на ней нет, только чёрный провод гарнитуры от уха до антенны на затылке.

Трёхсоткилограммовая туша мышц без намёка на одежду.

Солдат.

Едва вылетел из полумрака на свет, видно, и глаза ещё не привыкли... Едва понял, где цель и, ни о чём не раздумывая...

Бумм... – звук выстрела картечницы очень низкий, насыщенный... И через мгновение ещё раз...

Бумм...

Но у этого страшного оружия слишком короткие стволы. Разлёт картечи огромный. Первая порция – даже не рядом, заряд с рёвом улетает куда-то в сторону, второй уже лучше, но тоже не очень, только пара шариков ударила рядом с Гороховым о бетон.

Нет, так стрелять нельзя. Но промахи не обескураживают гиганта, и перезаряжать своё оружие он не собирается, а просто кидается на Горохова; туша рывком набирает ускорение, а увесистая картечница у него теперь вместо дубины... Удобная вещь, конечно... Появление солдата не напугало Горохова, он видал их и до этого. А сейчас Андрей Николаевич не сразу сооб-

разил, что с ним делать... Убить из револьвера существо, которое выдерживает два десятка попаданий из винтовки... Попробуй ещё... Но специально для таких случаев у него в левом рукаве пыльника был пистолет с пулями с зелёными головками... Вот только времени у него не было. И рука у него теперь была одна... Андрей Николаевич поднимает револьвер вверх, чтобы пистолет выскользнул из своего «кармана» и оказался просто в рукаве.

Но солдат летит к нему с неслыханным ускорением... Туша за секунду преодолела едва ли не треть пути... Нет уже времени доставать пистолет, и Горохов стреляет...

Голова у уroda маленькая, сплошная кость, малюсенький мозг и два глаза. Даже винтовочная пуля не раскалывает твари её череп, два сердца защищены мощной грудиной, как броневой плитой, все остальные органы хоть размочаль, туша всё ещё будет боеспособна...

Это были лучшие его выстрелы в этом бою. Цель быстро двигалась, к тому же она весьма невелика, но бывший оперуполномоченный укладывает обе последние пули с удивительной точностью...

В правое колено солдата...

Пахх... И ещё раз... Пахх...

Горохов даже подумал, что туша рухнет на замусоренный взрывом и ошмётками длинно-головых бетон, но тварь сильно покачнулась, колено, видно, не до конца было разбито. Солдат устоял, хотя теперь он уже не нёсся к Андрею Николаевичу: шёл, припадая на ногу, но шёл, уже замахиваясь своей тяжелой картечью...

Перезаряжать револьвер было некогда, поэтому он просто бросает опустошенное оружие и хватается обрез, вскидывает его, там ещё один патрон...

Картечь.

У неё не такой звук, как у жакана. Она вырывается из ствола звенящим, коротким хлопком...

Баммм...

На шести-семи метрах картечь не успевает разлететься... Вся пачка со звучным шлепком бьёт тварь прямо в рыло.

- Аоуууу... - картечь останавливает тушу. Солдат откидывает голову и валится на колени, роняя своё оружие...

Но и это не всё, на фоне чёрного проёма появляется ещё одна такая же голая и мощная фигура.

«Хватит ли на всех патронов?».

Но это вопрос риторический... Андрей Николаевич – человек опытный, он всегда берет с собой побольше. Эта запасливость не раз выручала его. Патроны у него были... А вот одной руки теперь не было. Револьвер уже на бетоне, и разряженный обрез летит за ним следом... Но в руке Горохова теперь пистолет, как раз с теми самыми патронами, что и нужны в этом случае...

Пам...

Не в голову и не в грудь... Разбивать драгоценные пули с токсином, колоть их о непробиваемые кости – бессмысленно, он стреляет бегущему к нему солдату в брюхо. Там чуть ниже грудины – целое сплетение сосудов, как раз то, что нужно. Токсину в одной пуле нужна минута! Целая минута, чтобы кровь великана, загрязнённая ядом, свернулась, и мощные сгустки закупорили вены, остановив кровообращение солдата, выключив оба его мозга, и головной-вспомогательный и основной-наджелудочный, что крепится непосредственно к позвоночному столбу. Поэтому Горохов делает ещё выстрелы, один в область левой паховой артерии...

Пах...

И ещё один, когда до гиганта было уже меньше десяти метров, в горло...

Пах...

Он уже хотел убежать, всё равно нужно было время, чтобы яд начал действовать, но солдат вдруг остановился, схватив себя лапицей за нижнюю челюсть... Крепко схватил... И так замер. Но первый, тот, которому пули разбили колено и картечь выбила глаза, кажется, стал приходить в себя... Начал шарить рукой по бетону и нашёл свою картечницу... Он явно намеревался встать... И то, что вместо лица у него кровавое месиво, это ровным счётом ничего не значит...

Нет-нет... Так не пойдёт... Горохов делает шаг к нему и стреляет ему в мощную, как у столетнего варана, шею...

Пах...

Глава 2

Шикарный всё-таки токсин. Очень эффективный. Два существа по триста килограммов валялись перед ним горами на грязном бетоне... Они ещё шевелились, но в принципе было ясно, что они уже не поднимутся. Стало наконец тихо, если не считать хрипов и каких-то бульканий... А Горохов берёт и отключает счётчик радиации – надоел он ему своим бесконечным треском... Бывшему оперуполномоченному и так уже всё ясно с местной радиацией.

Дым висел и не оседал в этом раскалённом воздухе. Ему необходимо выйти из этого облака, но пришлось только оттянуть респиратор и откашляться, прежде чем он поднял револьвер с бетона и стал его заряжать, положив пистолет в левый карман пыльника... А ему так хотелось побыстрее кинуться к выходу и ко фляге. Но нет, нельзя было подходить к тёмному пространству коридора, ведущего к залу, не зарядив всё своё оружие. И это было бы правильно... если бы у него не начинало всё плыть перед глазами, в затылке не появилась тяжесть и его не накрыла первая волна подкатывающей к горлу тошноты...

«Хреновый признак... Это что? Тепловой удар?».

Раньше десять-пятнадцать минут, может даже и двадцать, в такой жаре Андрей Николаевич перенёс бы уверенно... Но тогда он не был пораждён грибком, не был так ослаблен им...

«Если упаду... то... Бог его знает, кем я проснусь...».

Надо было держаться. Добраться до таблеток. А для этого дойти до коридора и пройти его. А перед этим... Конечно же, выпить воды. Он снарядил всё своё оружие, даже пистолет, хотя в том было ещё, кажется, три патрона, всё равно он вставил полный магазин.

Быстрее... Нужно быстрее выбираться отсюда. И он направляется к выходу. Там, у выхода, Андрей Николаевич останавливается и заглядывает в полумрак коридора, откуда ему подмигивали индикаторы на разнообразных биобаках. Больше он ничего разглядеть не может. Там его могут ждать, но ему придётся шагнуть в темноту. Он поднимает свою флягу... Для этого пришлось взять револьвер под мышку. Вода в сосуде почти горячая, но она как будто прочищает ему горло. Становится легче дышать... Но... этого мало... Он действительно чувствует себя нехорошо... Ему кажется, что у него начинает гореть кожа на лице...

«Хрен вам, а не дегидратация!».

Бывший оперуполномоченный пьёт ещё, пьёт про запас, выпивает почти всю воду... Да, это как-то помогает ему... немного... Пора... Берёт револьвер и делает быстрый шаг с яркого света в темноту. Ещё шаг, нужно уйти из светлого проёма, чтобы не быть прекрасной целью. Потом боком шаг к стене и ещё пару шагов к одному из баков, там он присаживается... Глазам нужно привыкнуть... Не хватало ещё налететь на что-нибудь...

О, как его выручал нагнетатель в респираторе... После воды ему и вправду стало дышать легче...

Присесть у стены и отдышаться... Это было правильное решение... Горохов замечает, как что-то чёрное и небольшое перекрыло собой одну цепочку разноцветных огоньков на огромном баке в паре десятков метров от него... Кто-то бродит там... Он не раздумывает, у него тут друзей нет, гражданские здесь тоже вряд ли водятся... Андрей Николаевич поднимает оружие.

Пахх...

Кто-то булькнул и упал... Снова стали видны индикаторы на баке. А глаза тем временем попривыкли немного к темноте, и он поднимается... И едва не падает, ему пришлось опереться обрубком руки на бак... Голова стала кружиться... Сильно.

Очень нехороший симптом. Но он знает, что уже идёт обратно к машине, в которой есть медикаменты, вода и, главное, кондиционер... Вот только дорога назад всё время ведёт вверх... И Горохов отрывается от бака, поднимается и начинает подъём.

Он проходит десять метров, не больше, и останавливается... Оглядывается назад, теперь ему видно лучше, там светлое пятно прохода в зал... Андрей Николаевич никого не видит: чёрные, будто обугленные, трубы, и баки, баки, баки вдоль стен с индикаторами-огоньками. И снова делает шаг вперед. Он знает, что сейчас уязвим, что там, в темноте, ниже, чем освещённый зал, в переплетении обугленных труб есть другие коридоры и ещё существа... Если не солдаты, то уж длинноголовые точно. А у них их блестящие палки. С тонкими лучами-нитками...

А ему нужны медикаменты. Он чувствует себя всё хуже с каждым шагом... И теперь необходимо снова передохнуть... Андрей Николаевич останавливается и оборачивается назад. Там, ниже, на фоне множества индикаторов снова мелькает тень... Горохов поднимает свой револьвер...

Пахх... Чуть ждёт и стреляет ещё раз... Пахх...

Но тень была далеко... И он слышит металлические звуки. Пули бьются во что-то твёрдое...

«Не попал».

Горохов поворачивается и идёт дальше, вдруг понимая, что пот не стекает у него по вискам из-под фуражки. Нет, ему не становится легче, мало того, его опять начинает мутить... И пройдя ещё шагов пятнадцать, он снова останавливается... Оборачивается и опять думает стрелять... Уже поднимает оружие... Ему кажется, что за ним всё-таки кто-то идёт, прячась за баки. И тут вдруг Андрей Николаевич слышит голос... Голос явно не человеческий, и, кажется, он доносится откуда-то сверху...

- Прекрати свои деструктивные действия, - Горохов вертит головой, пытаясь найти источники звука... Но звук доносится со всех сторон сразу и ещё откликается эхом снизу, от зала... - Мы согласны тебя отпустить. Можешь уходить...

«А... Вот, значит, как?! Они меня видят. Видят и не трогают, – а ещё его радуют эти слова, оперуполномоченному они даже льстят. – Согласны меня отпустить, значит... поняли, уроды, с кем связались! Лишь бы только всё это было правдой. А то порежут этой своей белой ниткой, когда успокоюсь и пойду дальше».

Впрочем, у них уже был шанс полоснуть его лучом откуда-нибудь из темноты, но... Они пока не полоснули. И он поворачивается и снова глядит вниз. Всё равно ничего там больше не видит среди чёрных труб. И потом продолжает подниматься к выходу.

А до выхода не так уж и далеко... Вот только после каждого шага ему становилось всё тяжелее делать следующий. И дело было не в том, что его рука начинала болеть, и не в том, что кожа, особенно на лбу и шее, горела... А в том, что у него просто заканчивались силы. Он прошёл шагов двадцать, и ему снова пришлось остановиться... Остановиться с мыслью, что его сейчас точно убьют... ну или... срежут лучом ноги... Дадут полежать и, уже ни о чем не переживая, отправят на переработку... Нет, стоять было нельзя... И он снова двигается к выходу. Теперь глаза окончательно привыкли к полумраку этого бесконечного подъёма. Мимо тянулись баки с индикаторами, но бывший оперуполномоченный уже почти ничего не различает... У него всё плывёт перед глазами... И его тошнит... Он уже в который раз замирает, чтобы перевести дух... А там, наверху, в самом конце подъёма, вдруг расплывается белое пятно света... Это выход, кто-то открыл ворота блока...

«Кто там?».

Горохов вдруг думает, что это идёт подмога к длинноголовым, что его там уже ждут... Солдаты с картечницами... Уроды с их страшными белыми лучами... Дарги с винтовками... И, в принципе, до белого квадрата, до солнца, осталось не так уж и много... Можно было бы попытаться добраться до выхода... И убить там всех. Всех... Вот только у него... не оставалось на это сил...

«Кажется, на этот раз... не выйдет!».

Опять рефлекс... Горохов об этом не думал, он вообще был где-то на границе сознания, но когда кто-то попытался вытащить револьвер из его руки, Андрей Николаевич сразу нажал на спусковой крючок...

Пахх...

- А-а... – заорал кто-то почти над его ухом...

И тогда бывший оперуполномоченный открыл глаза. Он ещё не понял, кто перед ним, но это был человек...

Халип Адыль Аяз Оглы...

- Не стреляй, не стреляй, пожалуйста... Ты чуть не прострелил меня...

Оглы. И этот голос радует Горохова:

«Не длинноголовые... Это он открыл дверь в блок».

И Горохов пытается ответить ему:

- Не трогай моё оружие... – вот только из этого ничего не выходит, лишь какое-то бормотание, заглушенное респиратором...

- Что? – переспрашивает Аяз. Он даже наклоняется к оперуполномоченному. – Я не понял... Что?

И тут Горохов собирается с силами и вполне себе отчётливо произносит:

- Встать помощи.

И Аяз берёт его под правую руку...

- А... О... – он видит лишь её обрубок... Оглы ошарашенно смотрит на остатки руки...

Его прикосновения причиняют Андрею Николаевичу ощутимую боль... Но он сдерживается, чтобы не заорать на дурака, и лишь цедит сквозь зубы:

- Давай уже... Поднимай меня...

И тогда Оглы поднимает его. У Горохова, после того, как он полежал, кажется, сил чуть прибавилось... но ему всё-таки нужно немного поддержки. Но прежде чем двинуться, оперуполномоченный предупреждает Оглы:

- Если мне что-то покажется... - Горохов показывает проводнику револьвер, – прострелю брюхо... Всё. Помогай. Пошли, - говорит он, и они двинулись к выходу на свет... И Аяз хотел было перехватить его и встать слева, но в левой руке у Андрея Николаевича оружие. И он командует:

- Справа иди.

Оглы послушно берёт его под мышку, выше обрубка, это неприятно, но бывший оперуполномоченный не доверяет своему спутнику. Он боится, что тот может вырвать у него револьвер. И у него есть куча оснований для этого недоверия, а проводник усугубляет это недоверие своим вопросом:

- Ты достал первожизнь?

- Нет, - врёт ему Горохов.

- Э-э, как это плохо... Получается, зря ездили, - расстраивается Оглы. - А с рукой у тебя что?

- Знакомые твои забрали... - кое-как отвечает ему Андрей Николаевич.

- Забрали? О-о...

Наконец они выходят на свет. Очки сразу прибавляют затемнения.

Уже вечереет, и тут, на улице, намного прохладнее, чем в здании. Горохову кажется, что ему становится лучше. Их грузовик... Конечно же, он никуда не делся, он так и стоит под навесом. Оглы ведёт Горохова к машине и всё пытается что-то вызнать у него насчёт его похода к резервуару, но Андрей Николаевич чувствует себя не так хорошо, чтобы болтать... Оглы подводит его к пассажирской двери, открывает её... Горохов находит в себе силы влезть на сидение... А Аяз дверь не закрывает, стоит и ждёт... Бывший оперуполномоченный тут вспоминает и говорит:

- Они в правом кармане.

Проводник лезет к нему в карман, копошится и одну за другой достаёт оттуда свечи зажигания, только после этого захлопывает дверь кабины. Андрей Николаевич не сомневается ни секунды: Оглы убьёт его при первой возможности. Он не поверил ему насчёт реликта. Сказал только «Эх, как плохо», и всё... Он даже не задал ни одного вопроса на этот счёт. А вещь ему нужна. Очень нужна. Будь у него рука, он просто оставил бы тут этого урода, но в том-то и дело, что руки у него не было... Так что проводник был ему необходим. И поэтому он вспоминает про препараты. Надо было ещё там, в коридоре, их выпить, но тогда это было сложно сделать, нужно было остановиться, спрятать оружие, открыть баклажку, найти в карманах стимуляторы, а это всё время, время... Там ему просто хотелось скорее убраться из полумрака, разогретого радиацией. Теперь же у него было и время, и возможности: Оглы, открыв капот, вкручивал свечи в цилиндры, а бывший оперуполномоченный спокойно положил оружие рядом с собой и, закинув в рот нужную капсулу, как следует запил её водой. Часть воды вылил на себя, хоть на секунду остудив горящую на лбу кожу. А через пару минут Аяз захлопнул капот машины и залез в кабину, забыв положить свечной ключ обратно в ящик для инструментов, и тут же, даже не вытерев грязных рук тряпкой, завёл двигатель... Это всё не понравилось Андрею Николаевичу. Он не любил неряшливости, и ему было не по нутру, что ключ Оглы бросил в дверной карман. Там ему не место, ключ торчит из кармана, от качки упадёт на дно кабины, а когда откроют дверь, может выпасть в песок. И всё: ты в степи без нужного инструмента. Но сейчас он решил ничего ему не говорить...

Сразу заработал кондиционер, несколько секунд он загонял в кабину горячий воздух, а потом струя наконец начала охлаждать пространство. И, ни слова не говоря, Оглы включил первую передачу, и машина выкатилась из-под навеса. Горохов оборачивается и смотрит в окно назад. Огромная дверь уже закрыта.

«Вот так просто? Неужели мне дадут уехать! - к нему благодаря мощному препарату стала возвращаться сообразительность, его трезвый взгляд. – Может, потому, что у них в этом бетонном здании кончились бойцы...?».

Опасность отступила? Он выбрался живым, хоть и без руки, но со своими, а не переделанными мозгами? Всё это было странно... А главное, после того как он побеседовал возле бассейна с реликтом с Четвёртым модулем-организатором, у него была целая куча вопросов к этому его проводнику.

Тут он бросает взгляд на Оглы, и тот тоже смотрит на него, но ничего не говорит. Отворачивается. Впрочем, тут слов и не нужно.

«Он уже что-то придумывает. А может, уже придумал. Так что лучше мне при нём не засыпать».

В общем, обратная дорога обещала... обещала быть напряжённой, тем более что пока он не знал, куда ему ехать. Возвращаться к Аязу домой? Нет, этот вариант он даже не рассматривал. Там осталась мерзкая Гупа. Не факт, что Шубу-Ухай её смог «успокоить». А остаться в таком состоянии против Аяза и Гупы – это смерть, смерть верная. Ну а тогда куда? И тут Горохов принимает непростое решение; впрочем, в его положении других быть и не могло.

Глава 3

Нужно было потерпеть. Он хотел отъехать от блока подальше. Бывший оперуполномоченный специально не принимал болеутоляющие, хотя рука и кожа причиняли ему, может, не сильную, но уже вполне ощутимую боль. Обезболивающие притупляли внимание и понижали концентрацию, такой препарат ослабил бы его сейчас. Поэтому он терпел, подставляя мрачное лицо под струю из кондиционера. А ещё поглядывал в зеркало заднего вида и по сторонам. Нет ли кого. И увидел... Два дарга сидели на каких-то обломках бетона. У одного из них была винтовка... Горохов поудобнее берёт револьвер и вспоминает, что забыл своё оружие, винтовку, у входа в блок.

«Ну, со мной всё ясно, а что же этот... проводник о нём не вспомнил?».

Андрей Николаевич снова бросает взгляд на Оглы, тот безусловно видит дикарей, но, кажется, его они мало заботят.

А тот, что был без оружия, встал, когда машина приблизилась к ним; они оба не отрывали глаз от неё. Но это был праздный интерес. Бывший оперуполномоченный поглядывает в зеркало заднего вида на удаляющихся даргов:

«Хорошо, что у них нет раций...».

В течении получаса, что грузовик двигался по степи, они встретили ещё одну группу даргов, это была крупная семейная группа с самками и детёнышами... Солнце уже садилось, и они собирали саранчу на длинных барханах. Но и эта группа не сильно заинтересовалась грузовиком Горохова. А когда стали сгущаться сумерки, за полчаса до заряда, Андрей Николаевич, посчитав, что они ушли от здания на приличное расстояние, наконец прервал молчание:

- Останови.

Боль не давала ему покоя, да и с рукой нужно было что-то делать. Сепсис и гангрена ему были совсем не нужны сейчас.

Оглы останавливает машину, но мотора не глушит и молча смотрит на него: что?

- В моём рюкзаке аптечка, там биогель, нужно обработать руку. Нужно залить им открытые ткани. Знаешь, как это делается?

Проводник не знал, и Андрею Николаевичу пришлось объяснять ему. Оглы распечатал упаковку, пока Горохов снимал пыльник... Андрей Николаевич, кривясь от боли в мышцах, поднял обрубок руки и, показав его Оглы, не выдержал и спросил:

- Что там?

- Обгорело всё. Запеклось. До чёрного...

«Сосуды и нервы луч прижёт... Поэтому и кровь не шла, и боль была терпимой».

- Заливай всё это гелем. Выдавливай прямо на рану.

Оглы старается, он тщательно распределяет гель по ране, но Горохов ему говорит:

- Не экономь, этот тюбик уже открыт, он после вскрытия не хранится. Заливай там всё.

Гель должен был дезинфицировать рану, а главное, послужить основой для новых восстанавливающихся тканей. Например, кожа с гелем восстанавливалась в десять раз быстрее, чем без него. Это реально больно; пока нервы были в покое, пока их окончания были обожжены, боль можно было терпеть спокойно... Но теперь, когда к оголённым тканям прикасались, ему приходилось держать себя в руках. В машине была комфортная температура, но капли пота одна за другой стекали у него по вискам. Оглы поглядывал на него и старался сделать всё побыстрее. Он выдавил на рану из тюбика весь гель и грязным пальцем равномерно размазал его по поверхности.

- Теперь найди в аптечке свёрток... Он маленький, похож на пластик, - говорит Горохов, он, кажется, в первый раз разглядывает срез своей руки. А Аяз находит то, что нужно, показывает ему:

- Это?

- Да, разверни и оборачивай рану. Там ещё должна быть резиновая сетка. Она тоже в свёртке.

Специальным сухим листом проводник оборачивает обрубок руки и поверх стягивает его сеткой. Всё, с этим проводник справился.

- Там в аптечке ещё четыре жёлтых шприца... Дай их мне.

Оглы не сразу, но находит и их и передаёт шприцы Горохову, и тот тут же вкалывает себе в бедро вещество, что содержат шприцы. Это мощный антибиотик. Остальные он кладёт себе в карман галифе. Андрей Николаевич собирается использовать их все. То есть полный курс.

Всё, теперь он чувствовал себя спокойнее, вот только все эти манипуляции разбередили рану, а ещё гель начинал действовать; в общем, боль никуда не делась. Нужно было всё-таки пить обезболивающее. И он выпил одну красную капсулу. Запил её большим количеством воды. Потом закидывает в рот сразу три капсулы антирада (средство, ослабляющее последствия повышенной радиации). Их он тоже запивает.

А Оглы тем временем сел за руль и повёл машину на север... И первые пять минут она так и шла, но как раз в это время пришёл с севера заряд...

Как только порывы ветра стали поднимать пыль, Андрей Николаевич и говорит своему проводнику:

- Бери на восток.

- Чего? – не понимает тот сразу.

- На восток! – Горохов даже указывает ему направление. – Туда, туда езжай.

- Зачем? – Оглы не просто удивляется, он ещё и раздражается.

- Затем, – сухо отвечает Андрей Николаевич. – Давай, – и после этого он поднимает револьвер и направляет его в бедро Аязу. – На восток, я сказал.

Тут уже Оглы соглашается и поворачивает куда нужно, а Горохов ему и говорит:

- Прибавляй, прибавляй.

Он специально соглашался с тем, что проводник едет на север, до того момента, как начался заряд. Если кто-то и думал пойти по их следу, он так и должен был идти на север после того, как песок заметет их следы.

- Зачем нам на восток? – Оглы ехал теперь туда, куда было нужно, но всё ещё не соглашался с этим. – Утром будем у меня, а там вода хорошая, можно и в Кирс доехать, там большая застава, там люди, там у них доктор есть...

- Езжай, – только повторяет Андрей Николаевич и револьвера не убирает. – Обойдусь пока без доктора.

- Куда? – спрашивает проводник. Он кивает на лобовое стекло. – Погляди, я не вижу куда ехать.

А ветер превратился в бурю, он кидает целые кучи песка на стекло, рвёт тент, даже качает грузовик. Но Горохова сильными зарядами не испугать, он знает, что даже такой сильный ветер закончится через полчаса, так что останавливаться нельзя, он хочет уйти от точки их стоянки подальше и поэтому твёрдо говорит проводнику:

- На второй передаче езжай, не спеша... Просто держись между барханами.

И тот вздыхает, подавляя в себе раздражение; он выдает себя, это видно по тому, как он приглаживает свои чёрные волосы. Злится, но ведет грузовик сквозь бурю, как и сказано, на второй передаче. Он не отваживается перечить, хотя ему, конечно, хочется спорить и дальше. Видно, дневной урок не прошёл даром.

Буря была сильной и долгой, но Горохов был рад; главное, что машина уходила от того места, где их могли найти. Он даже не подгонял проводника, хотя ему казалось, что тот мог ехать и побыстрее. В общем, за то время, что бушевал ветер с песком, они прошли не меньше десяти километров. И когда заряд затих и на небе появились первые звёзды и месяц, Андрей Николаевич говорит Аязу:

- Фары выключай и останавливайся.

- Зачем это? – спрашивает Оглы, но машину останавливает и фары гасит.

- Фильтры выбей и песок из кузова wygrеби, там его куча, трата топлива и подвеске лишняя нагрузка, – поясняет бывший оперуполномоченный. – Знаешь, как фильтры вычистить?

- Знаю, – отвечает проводник и вылезает из кабины.

Он открывает капот, а Горохов откидывает голову... Боль отступает, и кожа на лбу и шее уже не так горит, обезболивающее работает, и к нему приходит голод. Андрей Николаевич кладёт револьвер на сидение рядом с собой. Даже это действие приносит ему некоторое удовольствие – рука уже устала держать тяжёлое оружие. Горохов подтягивает к себе рюкзак и находит там двухсотграммовый питательный брикет. Солдатский паёк. Крахмал с небольшим добавлением протеина из саранчи. Он разворачивает его и начинает есть, запивая водой. Крахмал чуть подсолён, легко крошится под зубами, в общем, вполне себе съедобен. Горохов ест быстро, ведь у него всего одна рука, и когда Аяз вернётся в кабину, в этой руке должно быть оружие, а не еда. А проводник тем временем достаёт оба фильтра и выбивает их о бампер машины, в свете габаритов из фильтров вылетают серые тучи пыли. После проводник ставит фильтры на место и закрывает капот. Он собирается лезть в кузов, идёт вдоль машины... Горохов уже доел, и вдруг вспоминает, что в кузове куча оружия... Ему не хочется получить пулю через заднюю стенку кабины... Он открывает дверь.

- Аяз! Стой!

- Чего? – проводник останавливается.

- Иди-ка встань перед фарами, – говорит Андрей Николаевич и включает их.

- Что? Зачем это?

- Прекрати переспрашивать, это меня раздражает, – говорит ему Горохов. – Иди и встань на свет, – и так как проводник не спешит это делать, он добавляет: – Слушай, Оглы, я сейчас закрою дверь и просто уеду. Я смогу уехать и без руки. Или ты хочешь проверить?

Только тогда проводник выходит вперёд и становится в свет фар среди мелькающей в воздухе саранчи.

- Подними рубашку! – кричит ему Горохов. И тот послушно поднимает рубашку. И Андрей Николаевич тут же замечает: – Что у тебя на поясе? Да, это! Нож? Выброси его, – Аяз вытаскивает из ножен небольшой нож, но не спешит выкидывать. И Горохов настаивает: – Выброси! – только после этого проводник выкидывает нож в песок. – Повернись спиной! – кричит Горохов. – Теперь лицом, покажи карманы. Выворачивай их, – Оглы делает, что от него требуют. - Теперь подними штанины, – больше никакого оружия у проводника не нашлось. – Всё, иди сюда, – распоряжается Горохов и закрывает пассажирскую дверь кабины.

Когда Оглы возвращается на водительское место, Андрей Николаевич кладёт револьвер справа от себя и левой рукой проверяет ещё и рукава рубахи Аяза, а потом, взяв оружие в руку, произносит уже удовлетворённо:

- Теперь и тебе, и мне будет спокойнее; всё, поехали.

Аяз молча включает передачу, и машина трогается с места.

- Фары выключи, – сразу напоминает ему Аким. И тот выключает свет. Месяц ещё не поднялся, но разглядеть чёрные машины барханов уже можно без затруднений. Проводник включает вторую передачу и не спеша едет. Горохов отодвигается от Оглы в самый конец дивана, практически облокачивается на дверь, опускает оружие на диван, стволом в сторону водителя. Если что... ему нужно будет просто поднять ствол... Проводник бросает на него взгляд и всё понимает, а потом спрашивает:

- Так куда едем?

- Я же сказал: на восток, – отвечает бывший оперуполномоченный – и тут же задаёт свой вопрос: – Эти черти называли тебя привратником. Что это значит?

- Какие черти? – не понимает Аяз. Он не отрывает взгляда от дороги.

- Те, в здании... Чёрные, длинноголовые... – поясняет Андрей Николаевич. И так как проводник после этого ничего не отвечает, он повторяет: – Что значит «привратник»?

- Не знаю; откуда я знаю, как они там кого называют, – отвечает Оглы.

- Ты не знаешь, а вот они тебя знают, – и опять проводник молчит. И тогда Горохов снова спрашивает: – Ты ведь служишь этим тварям из здания?

И тут вдруг проводник говорит ему:

- Я служу будущему.

«Ах вот оно что? Это звучит как пароль».

- Ты из Обители, что ли? – догадывается бывший оперуполномоченный. Но он думает, что Оглы ему врёт.

- Да, я последователь нашего пророка. Всеблагого, – говорит Аяз.

Вот только кое-что не сходится в этом заявлении с тем, что говорил о нём Шубу-Ухай.

- Странно, ты служишь Обители, а тебя ищут люди из этой самой Обители. Ищут и готовы всю степь перерыть, чтобы тебя найти.

- Кто это меня ищет из Обители? – теперь Аяз даже оторвал взгляд от дороги.

- Иван, – отвечает ему Горохов.

Проводник снова бросает на него взгляд.

Глава 4

- Что? – продолжает Андрей Николаевич. – Ты не знал, что ли, что тебя ищет Иван? – но вопрос этот был скорее для продолжения допроса, уже по взгляду проводника было ясно: он знал, что его ищет какой-то Иван, мало того, Оглы прекрасно знал, кто такой этот Иван. И Аяз наконец произносит:

- Я знал, что он меня ищет.

- Ну тогда мне непонятно... - продолжает бывший уполномоченный. – Иван из Обители, ты тоже служишь в той же организации... Чего это ему тебя искать? Зачем?

А этот урод... снова молчит. Таращится на дорогу и просто крутит баранку.словно никакого вопроса и не было. Отвратительная тактика. Это начинает раздражать Андрея Николаевича.

«Оглы всё ещё не понимает, с кем имеет дело...».

И тогда Горохов придвигается к водителю чуть ближе, он уже думает ударить этого упрямого, как варан, человека, стволом револьвера по голове... Но ствол калёный, оружие тяжёлое, с углами, оно непременно рассечёт дураку башку, а это кровь в кабине, она перепачкает руль, рычаг передачи, диван... И поэтому Горохов бьёт Аяза под правую руку, но выше печени, бьёт с размаха, довольно сильно...

- Аа-а-а!.. - орёт тот и нажимает на тормоз, потом кряхтит, хватаясь за бок... - Аа-а!.. О-о-о!..

Андрей Николаевич ждёт несколько секунд, даёт ему отдышаться и потом говорит спокойно:

- Я так понял, ты тупой, как саранча, поэтому я хочу, чтобы ты понял: мы не друзья, и ты мне тут нужен постольку-поскольку, я и без тебя смогу вести машину. И я с тобой не шучу; если я задаю тебе вопрос, ты должен отвечать, иначе... - он показывает Аязу револьвер... - Это весьма тяжёлый кусок железа.

- Ты мне ребро сломал, - загнусабил Оглы, он не убирает руку, так и держится за бок. Он сидит и едва заметно раскачивается на своём месте и продолжает кряхтеть с противным выдохом. – Аа-ах... Аа-а-ах...

- Ах, простите, - отвечает Андрей Николаевич, - я был так неловок. Я не хотел вам причинять... неудобств. Я просто привык, что люди на мои вопросы отвечают, а не делают вид, что меня в машине нет. А ты, между прочим, раздражал меня ещё на пути туда.

- А-а, - всё стонет Оглы, но Горохов от него не отстаёт:

- Так ты помнишь мой вопрос? Или тебе напомнить?

- Напомни, – выдыхает проводник и включает передачу.
- Если ты и Иван в одной организации, почему он тебя ищет? Вы ведь все служите будущему, а тут вдруг...

- Иван – человек Отшельника, – нехотя сообщает Оглы.

- А этот Отшельник – он же Пробуждённый? – сразу уточняет Андрей Николаевич.

- Да, его так тоже называют.

- Ну а ты чей человек?

- Мы люди пророка. Всеблагого.

«Того подростка без кожи... Ну а дальше...».

- Мы – это кто? – снова интересуется бывший уполномоченный.

- Я и Церен... - он снова вздыхает... - Ох... И Шубу-Ухай. И ещё другие... Многие...

- А Отшельник... Почему он тебя ищет?

- Отшельник... Он дал нам веру в будущее... - отвечает Аяз и снова морщится и придерживает свой бок, когда машина наехала на очередную кочку.

Горохов не сводит с него взгляда, он помнит, насколько сильные у Оглы руки...

«Если он не притворяется и вправду у него сломаны рёбра... Так это хорошо. Это уменьшает шансы, что он кинется на меня».

И Андрей Николаевич снова спрашивает:

- Значит, Отшельник дал вам надежду на будущее... Ну а что он просит у вас взамен?

- Ему нужна первожизнь, - отвечает Аяз.

- А-а... Всё то же, всем нужен этот реликт, – понимает Горохов и развивает свою догадку:

– И что же, ты задолжал этому Отшельнику вещество, и он послал Ивана искать тебя?

- Да, всем нужен, - соглашается проводник. – Но я Отшельнику ничего не должен, я никогда ему ничего не обещал, я никогда не видел его, меня напутствовал и благословлял мой пророк, я его последователь... Он сотворил меня заново...

- Это пророк напутствовал тебя быть тут у бункерных чертей привратником? – уточняет между тем Андрей Николаевич.

- Так надо для будущего, - отвечает Аяз, и в его голосе слышится этакая убеждённость... Непоколебимая убеждённость...

- А Миша говорил, что Иван – это человек Церен. Что это она его к нему присылала, – Горохов пожалел, что тут нет Шубу-Ухая. Он бы хотел... устроить между ними очную ставку, что ли...

- Миша – глупый, ему знать про всё не нужно, - отвечает Аяз. – А Иван умный, он мог сказать Мише, что пришёл от Церен. А сам он был от Отшельника.

- Иван искал тебя, – говорит Горохов.

- Да искал, в том-то и дело... Но если он от Церен, зачем ему искать меня? Церен и так знает, где я, ей Шубу-Ухай мог точно сказать место, да и не нужно ей было это, это она меня сюда направила, - отвечает ему проводник.

- А ты сказал, что пророк.

- Пророк благословил, а всё устроила Церен.

- Она при вашем пророке занимает важное место, - замечает Горохов.

- Пророк – душа, Церен – мозг и руки...

Андрей Николаевич некоторое время молчит, следит то за тем, как Оглы управляет машиной, то за дорогой. У него в голове не укладывается всё, что он только что услышал.

«Люсичка-Церен... Неужели всё это – её задумка? Скорее всего! В общем-то, она на такое способна. Видок у неё был в тот раз, мягко говоря, так себе... Ей, судя по всему, самой для нового перерождения реликт нужен. Вот сколопендра... Сидела, со мной разговаривала, детей каких-то показывала, а сама уже прикидывала, как за меня ей черти из блока выдадут пузырёк вещества! Какая же хладнокровная тварь! Взяла и послала меня на убой... А Шубу-

Ухай – он знал обо всём этом? Наверное... А он передо мной «дурочку ломал», грустил, что его не взяли за вещством. Собирался Гуту убивать и к Церен бежать. А ведь это он украл у меня секстант, чтобы я точное место блока не мог установить. Ну да ничего... Я его и так, если надо будет, теперь найду».

Всё это было ему очень неприятно. В который уже раз Люсичка обманывала его. Его, человека, которого обмануть было непросто.

Звёзд на небе всё больше, и месяц поднимается всё выше. В общем, теперь ехать без фар можно было уверенно. Саранча влетала в лобовое стекло всё чаще, а значит, её тут было много, и шелест крыльев скрывал, чуть заглушал работу мотора, в общем...

- Прибавь немного, - говорит Андрей Николаевич, и Аяз послушно прибавляет скорости. И тут же спрашивает:

- Куда мы едем?

Но бывший оперуполномоченный не собирался удовлетворять его любопытство и спросил в свою очередь:

- Так зачем Церен и Шубу-Ухай уговорили меня сюда прийти?

И это был как раз тот вопрос, на который Оглы снова не хотел отвечать.

«Бойтся, сволочь!».

- Ты лучше не молчи, - настаивает Горохов. – Или ещё сейчас получишь по рёбрам. Ну... Это самое «ну» было сказано так, что дальше отмалчиваться проводник не решается.

- Пришлые просят новые гены, - наконец отвечает он.

- Новые гены... - повторяет Андрей Николаевич. – Тут, в степи, десятки тысяч людей, могли бы, как делают другие, хватать и сдавать несчастных этим чертям в бункере, но вы-то тащили меня... Уговаривали ещё... Шубу-Ухай бубнил мне про это дни и ночи, пока через Камень шли...

Оглы, прежде чем ответить, вздыхает с болезненным придыханием:

- Аа-ах... - а потом и говорит: – Пришлые простых не берут, не нужны им они... Это обычные храмы скупают всё, там производство, там всякая биомасса нужна. А этот храм особый, он селекцией занимается. Ему нужны сильные только... Чтобы жары не боялись... Чтобы выносливые были... Только таких ищут. Они в том храме новые породы даргов выводят... Им редкие гены нужны... В простых таких генов нет...

- Ты сказал «просят»; значит, ты общаешься с ними?

И снова Аяз боится. Но Горохов не собирается его отпускать и повторяет с угрозой:

- Общаешься?

- Когда Церен присылает человека, я даю им знать...

- А дальше?

- Я везу им человека. Если у меня есть его ДНК, я передаю сразу, а если нет, жду... День...

- И потом получаешь награду? – догадывается Андрей Николаевич.

- Получаю... - нехотя признаётся Оглы.

- Вещество?!

- Вещество.

- Сколько?

- Они дают одну пробирку.

«Одну пробирку!».

И только тут Андрей Николаевич понял, насколько ценная у него коробочка во внутреннем кармане пыльника. Там у него было этих пробирок аж шесть штук.

- Один человек – одна пробирка? – переспрашивает он.

- Они не за каждого давали, - отвечает Аяз.

- Не за каждого? А как вообще всё это происходило?

- Нет, не за каждого, иной раз человек уходил, и всё, можно было прождать хоть день, хоть два... А когда всё их устраивало, от них выходил младший работник и выносил одну пробирку, – рассказывает Аяз.

- То есть они тебя знали.

- Знали. Да...

- Интересно, скольких ты туда приводил? – интересуется Горохов, но тут же закрывает этот вопрос. – Впрочем, это к делу не относится, это уже лирика; ты лучше скажи, как вы всех умудрялись обмануть?

Свою-то историю он, конечно, знал, но хотел бы узнать, как туда заманивали других с хорошими генами.

- Понятия не имею, это меня не касалось... - отвечает Аяз, - я только провожал их туда, открывал ворота и забирал первожизнь у пришлых, а всё остальное устраивала Церен... Уж она то умеет уговаривать. Вот тебя как она уговорила?

Горохову это слышать неприятно, в голосе Оглы ему почудилась насмешка: мол, тебе лучше знать, как она из вас дураков делает.

- М-м... - многозначительно мычит Андрей Николаевич, - а со мной, значит, не вышло у вас с Церен.

- Ты первый, кто выкрутил свечи из мотора, - признается проводник. – Другие – ну, некоторые – начинали бояться, что-то тоже подозревали, хотели назад идти или хотели, чтобы я с ними пошёл... С этими я знал, что делать... Но свечи, - он качает головой, - потом как там тебя найти, как карманы обшарить? Они меня в нижние этажи не пускают, предупреждали уже, а если они предупредят, то лучше им поверить, они никогда не обманывают; если сказали, что отправят в ванну, то отправят... Я за тобой пошёл – считай на риск.

- Да, я понял, ты спас меня... - догадывается Андрей Николаевич.

Аяз только смотрит на него нехорошим взглядом, и тогда бывший оперуполномоченный говорит ему:

- Ты на дорогу смотри... Спаситель.

А саранчи в воздухе всё больше, она всё чаще шлёпает в лобовое стекло, а ещё с неё летят мотыльки-трупоеды, их здесь тоже немало. Они тут большие и красивые... Оглы время от времени дворниками смахивает их вместе с пылью со стекла, и теперь насекомые чёрной массой лежат между стеклом и капотом. Некоторое время они едут молча, но у Андрея Николаевича ещё есть вопросы, и он опять спрашивает:

- Так зачем человек Отшельника тебя искал?

Аяз, опять же не сразу, а после паузы, отвечает ему:

- Наш пророк уже давно... он сам уже стал открывать тайны...

- Что это значит? Объясни...

- Отшельник научил нас многому, но пророки... Они стали сами выбирать пути в постижении истины.

- Что это значит на человеческом? – не понимает Горохов.

- Ну, наш Всеблагой... Он ушёл дальше всех в познании, он больше других произвёл опытов, причём ставил их на себе...

«Ну, это я заметил». Горохов отлично помнил вид «подростка» с прозрачной кожей. И он продолжает свой допрос:

- А причём тут опыты на себе и Иван, который тебя разыскивает?

- Для опытов нужна первожизнь, - отвечает Аяз.

И вот теперь будто бы всё становится на свои места. И бывший оперуполномоченный начинает понимать:

- Так Отшельнику тоже нужно вещество? А этот ваш Всеблагой его зажимает. На себя всё тратит.

- Да, Отшельнику нужна первожизнь, но добывать её могла только Церен... И я.

«Да уж, Люсичка помоталась по степи в поисках вещества; целеустремлённости и храбрости ей точно не занимать».

А проводник и завершает:

- А Церен предана только нашему Всеблагому. Она всю первожизнь отдавала ему.

- Ну а ваш Всеблагой не делился ею с Отшельником.

- Наверное; я про это мало что знаю. Как там всё у них, у Пробуждённого и его пророков, устроено, я не знаю, - отвечает проводник. – Моё дело – добыть пробирку и отдать её курьеру. Я только про это знаю...

«Отдать пробирку... А у меня их шесть... Они искали выдающихся по силе и выносливости людей – а их попробуй ещё найди, – уговаривали их отправиться в бункер, чтобы получить всего одну пробирку... Интересно даже, что все эти Пробуждённые и Всеблагие могут мне обещать за это сокровище?».

- И получается, что Иван, человек Отшельника, искал тебя, чтобы ты добыл для него вещества? – уточняет Горохов.

- Ну а зачем я ему ещё нужен?

«Обитель. Получается, контора немножко... разделилась. Раньше был Пробуждённый, он собрал учеников, они обучились, разошлись от него по степи и стали вербовать последователей благодаря знаниям и технологиям, что дал им учитель, а потом ученики окрепли, обзавелись паствою и обозвали себя пророками, завели себе базы, лаборатории. Стали самостоятельными и даже начали добывать вещество, пошли в научных изысканиях дальше и вдруг поняли, что Пробуждённый им уже и не очень-то нужен. Тем более если тот просил или требовал от них драгоценную первожизнь. Ну а тому она тоже была нужна, и он стал посылать своих людей, чтобы они нашли источник реликта и взяли его под контроль. В общем, обычное дело!».

Глава 5

Усталость и, главное, обезболивающее.

Он стал замечать, что его клонит в сон. Боль была почти купирована веществом. Почти. Но голова от этого препарата стала мутной. Явно притуплялись реакции. И он опять садится в самый конец дивана и почти опирается на дверь спиной. У него больше не было вопросов, и потому их разговор сам собой затих. А с ним улеглись и эмоции, что не давали бывшему оперуполномоченному расслабиться. Стимулятор в синей оболочке обычно действовал на него эффективно около шести часов, а тут два часа езды, и всё: сонливость стала накрывать его. А засыпать рядом с этим упырьём, который сейчас вёл машину, было, мягко говоря, опасно! Но таблетки нужно было экономить.

«Потерплю немного, часик, и потом выпью ещё».

И часик ему пришлось и вправду терпеть. Чтобы не начать засыпать. Всё, что он делал, так это поглядывал на звёзды через запylённые стекла кабины. И весь этот час Аяз молчал. Пыхтел, охал, но никаких разговоров сам не заводил. Вцепился в баранку и таращился в стекло, смотрел вперед. Вот он-то засыпать и не думал. Сидел напряжённый.

А через час такой езды после того, как они замолчали, Андрей Николаевич наконец произнёс:

- Теперь бери левее.

- На север? – спрашивает проводник.

- На северо-восток.

- Слушай... - начинает Оглы. – Тут, дальше, уже опасно...

- Что за опасность? – интересуется Андрей Николаевич.

- Как и везде в степи... Дарги, – отвечает ему проводник. - Их тут много. Нам лучше поехать на север, там солдаты, поселения...

- Ты же говорил, что дарги нас не тронут, - напоминает ему бывший оперуполномоченный.

- Те, что у храма... Они и не трогали, а тут уже новые, они свободные, для них правил нет... Они голодные здесь. Саранчи им мало, - поясняет Аяз.

«Эти твари везде голодные».

Но эта новость была на самом деле неприятной. Конечно, они ехали, не включая фар, и в воздухе стоял звон от крыльев насекомых, но машину всё равно на каком-то расстоянии было слышно. Но Андрей Николаевич не меняет решения, для него ещё неизвестно, что опаснее, – случайная встреча в степи с человекообразными дикарями или встреча с людьми. Он даже солдатам не очень-то доверял. А вдруг они знают, какую ценность представляет то, что лежит у него во внутреннем кармане пыльника? И он говорит шоферу:

- Пока держи на северо-восток.

Тот опять вздыхает и замолкает, но Горохову нужно либо принять новую капсулу со сти-мулятором, либо поговорить, и он решает, что продержится ещё немного на разговоре.

- Ты видел много вещества?

- Видел, но у меня оно долго не задерживалось. Его забирали, – отвечает проводник.

- Кто?

- Люди Церен. Их зовут Салех и Сара. Они обычно ездят как торговцы, скупают паштет и вяленую дрофу. Иногда от Церен приезжает ещё солдат Евгений. Он тут на грузовике работает, развозит всё по блокпостам. Но он наш.

- Из Обители?

- Да. Посвящённый, – Аяз тоже подустал, и теперь сил отмалчиваться у него нет. Он хоть и нехотя, хоть и с задержкой, но отвечает на вопросы. И тут он говорит: – Поесть бы надо.

- Да, надо, - соглашается Горохов; ему тоже нужна пища, у него идёт процесс рубцевания, его организму нужны питательные вещества, чтобы залатать рану на том, что осталось от руки, но он хочет побольше пройти до рассвета. И он отвечает водителю: – Утром поедем, – и продолжает: – Один раз у меня было вещество. Но я не знал ему цены. Не знал, что это, и оно испортилось, так мне потом сказала Церен.

- Ты его держал в темноте... - сразу отвечает Аяз. – Ему нужно давать еду – солнце. Оно может хоть год пролежать на солнце, лишь бы пробирку не заметало песком. Я его на крыше дома держал, там у меня песок не собирается, первожизнь прекрасно выживала, один раз Салех попал в больницу, и Сара была с ним, их не было почти три месяца, я уже не знал, что делать... Уже писал Церен и пророку, чтобы прислали ещё кого-нибудь... Но курьеры всё-таки приехали, и Сара посмотрела её, сказала, что первожизнь жива и в прекрасном состоянии.

«Поэтому коробочка для пробирок открытая. Чтобы пробирки можно было выставлять на солнце».

Они снова замолкают и какое-то время опять едут молча; и тут, как раз когда грузовик взобрался на «хвост» длинного бархана, объезжая его, Горохов замечает вдали огни. Их в ночи над барханами было неплохо видно.

- Что это там? – сразу спрашивает бывший уполномоченный.

- Не знаю, - отвечает Оглы, тоже взглянув в ту сторону. – Может, блокпост какой.

«Слишком много огней для блокпоста».

Горохов думает, что Оглы ему врёт. Живя здесь, на самом отшибе, на краю цивилизации, он не может не знать всех блокпостов и населённых пунктов в округе. Он зажимает револьвер меж колен и подтягивает к себе рюкзак, достаёт оттуда карту, маленький фонарик... И уже через пару минут Андрей Николаевич мог с высокой долей вероятности сказать, что севернее их маршрута находится посёлок...

Сива. Раньше это было хорошее место, много чистой воды прямо под землёй, много кактусов, много акации, а значит, и дрофы, ну и термитников вокруг сотни. Две беды: дарги и

шершни. От даргов помогала стена с пулемётами и коптеры-разведчики, а от насекомых – рейды и уничтожение гнёзд. Но это было... лет тридцать тому назад.

«Тогда там и медпункт хороший имелся, на всю округу известный, и воды отличной – хоть обейся...».

Но сейчас Горохов не хочет встречаться с людьми. Аяз врёт, что не знает этого места... И это неспроста. Так что... Андрей Николаевич только вглядывается в карту и говорит водителю:

- Так и держи пока.

Конечно же, проводнику это не понравилось. Но он ничего не говорит против. Ведёт машину в указанном направлении.

Так они и проехали Сиву.

Тут уже бывшему оперуполномоченному пришлось выпить ещё одну капсулу со стимулятором. И их дорога продолжилась. После ещё одной порции препарата он почувствовал себя бодрым, а вот Оглы, тот уже начинал сдавать, стал терять концентрацию, да и месяц повис у них за спиной, видимость ухудшилась, и водитель пару раз въезжал в барханы, один раз так, что Горохов едва не соскользнул с дивана, и чтобы выбраться, пришлось включать заднюю передачу и сдавать назад.

- Ничего... Не спеши, теперь скорость держи двадцать, - подбадривал своего водителя Горохов.

А к трём часам, прикинув ещё раз количество пройденных от Сивы километров, он всё-таки решает поменять курс, теперь уже было можно:

- Всё, теперь давай на север.

- Топлива мало, может остановимся – дольём? – предлагает Оглы.

- До рассвета должно хватить, - Горохов не хотел останавливаться, - сейчас самое время для пауков, запустишь ещё в кабину... Так что едем, пока едет.

И до рассвета им и вправду хватило. Только когда в глаза стали бить первые прорывающиеся из-за барханов лучи солнца, Горохов соглашается остановиться. Всё, саранча стала прятаться в чуть остывший за ночь песок, пауки, охотившиеся на неё и на гекконов, тоже должны уже были спрятаться, только мотылёк ещё никак не успокаивался. Его в воздухе было много. И тогда Горохов говорит:

- Вот... Тут ставь, между барханов... Место хорошее...

Они вылезли из кабины, разминая мышцы, потом проводник полез в кузов за шлангом и вставил его в бак и начал переливать топливо, а Андрей Николаевич стоял тут же с неизменным револьвером в руке и внимательно следил за тем, чтобы тот не взял в руки оружие. В кузове было его достаточно. Оглы... Что он там себе думал при этом, Горохов, конечно, не знал, но пока бак не был залит до крышки, Оглы пару раз бросал на бывшего уполномоченного быстрые и нехорошие взгляды. Потом они осмотрели машину, почистили решётку и стекло от насекомых и вернулись в кабину. Всё это Горохов и Оглы проделали почти молча, но тут, за едой, проводник не выдержал и задал вопрос, который, очевидно, мучал его всю ночь:

- А куда мы едем?

И Горохов понял, что это ещё не самый главный из вопросов, что Аяз думает или хочет ему задать. И ожидая продолжения расспросов, он отвечает:

- До Берёзовки. Знаешь, где это?

- Далеко, - отвечает Аяз. – За день не доедем.

- Не доедем, - соглашается Андрей Николаевич, - тем более что поедем вдоль реки, - сам он пока не ел, ждал, когда Оглы возьмётся за руль.

- На реке дорог нет, дарги, - проводник явно не понимал этого маршрута, - зачем ехать по реке? Может, на Кудымкар лучше поехать? Быстрее будет, - он при этом брал из пакета и засовывал себе в рот большие дольки нежнейшей вяленой дрофы, быстро и некрасиво жевал, причмокивая.

Но Андрей Николаевич ничего ему на этот счёт не говорил, старался вообще не обращать на его манеры внимания, и отвечал ему:

- Вдоль реки мне будет спокойнее.

И Оглы продолжил поедать деликатес, пока не опустошил трёхсотграммовую пачку полностью. Потом долго пил воду, а уже после этого, взявшись за баранку, снова спросил, и вот это был главный его вопрос:

- А я как?

- Что «ты как?», - Горохов делает вид, что не понимает его.

- А что со мной будет? – уточняет Аяз.

И тогда Андрей Николаевич говорит ему:

- Довезёшь меня до Берёзовки... и уйдёшь... - Аяз снова бросает на него взгляд; конечно, он ему не верит, и тогда бывший уполномоченный говорит ему: – Ты мне не нужен, доставишь меня и мою машину в Березовку, отпущу – обещаю.

- Ну ладно, а когда поспим хоть чуть-чуть? – интересуется проводник.

- Как до реки доедем, так и отдохнём.

Оглы после этого вздыхает и включает передачу; они тронулись наконец, а Горохов снова зажимает револьвер меж колен и лезет в рюкзак. Теперь его очередь есть.

Уже к семи часам утра запахло рекой. Едкий запах, приносимый восточным ветром, проникал в кабину даже через фильтры кондиционера. А ещё, как подтверждение близости реки, появились шершни. Один полумёртвый мотылёк-трупоед, каким-то чудом державшийся на лобовом стекле несмотря ни на что, был безжалостно исколот жалом крупного и яркого насекомого, а потом оторван от стекла и унесён куда-то.

Шершни – верный признак левого берега Камы. И, к сожалению, эти насекомые были не главной опасностью на этом берегу. Горохов увидел цепь следов на пологом бархане возле одной кустовой лужайки, увидел и сразу сказал Аязу:

- Останови.

Вышел их смотреть. Следы были ночные, и что хуже всего, это был «охотничий» след. То есть даргов было двое, и второй шёл чётко по следу первого. Хитрые твари это умеют. Тут и сомневаться не нужно, у этих двух при себе есть винтовка. Одно дело стая с выводком, с самками и детёнышами, и совсем другое – вот такая парочка. Боевая. Дарги пошли на восток, к реке... Как раз туда, куда собрался двигаться Андрей Николаевич, но теперь его направление, естественно, менялось; он вернулся в кабину, закурил и сказал водителю:

- На север держи. И прибавь...

- Угу... - отвечал ему Аяз и, естественно, поехал быстрее, он понимал, что лучше им поторопиться и убраться отсюда.

А шершней становилось всё больше. Чем ближе они подъезжали к реке, тем сильнее, как казалось Горохову, у них менялась расцветка, от ярко-жёлтой к оранжевой. То и дело они прилетали и бились в стекло кабины. А бывший оперуполномоченный, стараясь не думать о нарастающей боли в руке, внимательно глядел на пустыню через запylённые стёкла кабины. Нет ли следов даргов.

А ещё старался определить, к какому месту реки они выйдут. И всё было бы ничего, но через обезболивающее средство его начинала донимать боль в глазах. Может, оттого, что не спал давно. В общем, он старался не обращать на это внимания. Горохов вспоминал карту. И был удовлетворён: ему казалось, что шли они в нужном направлении. Слава Богу, больше следов дикарей он не видел. Следы дроф в изобилии, следы сколопендр, и даже характерный след небольшого варана. Но это всё для них было не опасно. Вот только рука... То, что от неё осталось, не давало ему расслабиться и ехать спокойно. А обезболивающее он пить не хотел.

Во-первых, его осталось немного, а во-вторых, оно, как ему казалось, перебивало стимулятор, а ему сейчас ну никак нельзя было терять концентрацию.

Оглы уже устал и однажды робко, без особой надежды, попросил сделать привал, дать ему поспать, но Андрей Николаевич сразу нашёл, что ему сказать:

- Скорее всего дарги из того племени, чьи следы мы видели, уже нашли отпечатки нашего протектора; готов поспорить, они обязательно решат посмотреть, кто это катается по их охотничьему ареалу... Хочешь дать им возможность нагнать нас? – Аяз смотрит на него и молчит, и чтобы усилить эффект, Горохов добавляет: – Они, конечно, животные, но не совсем безмозглые; имей в виду, если они нас нагонят, в первую очередь будут стрелять в водительское стекло.

И тут проводник ничего ему не сказал, а насупился ещё больше, вцепился в руль крепче и продолжал глядеть на дорогу.

Глава 6

Уже к девяти часам утра они увидели впереди бетонные коробки над барханами. Ломяные зубья стен, пустые окна в три этажа... Он не был уверен в этом до конца, но, возможно, это были развалины Ильинского. А если так, то это уже был берег реки... Но возвышенности – излюбленные места даргов. Твари вечно забирались повыше, чтобы контролировать округу.

- Бери в степь, - сразу говорит Андрей Николаевич, - на запад, это всё лучше объехать.

Объехать, и причём по большой дуге, так как из тех окон дикари запросто могут начать стрелять.

А пока они объезжали руины древних, он занялся своим здоровьем: выпил таблетку от грибка и сделал себе ещё одну инъекцию антибиотика. А потом достал из рюкзака рацию: тут, у реки, уже можно было найти людей. Ему пришлось отвлечься от дороги и положить револьвер рядом, чтобы хоть как-то справиться с рацией. Андрей Николаевич нашёл только радиомаяк Полазны. Больше никого в эфире не было. Он оставил рацию на приёме и снова стал смотреть по сторонам.

- К реке не пойдём – опасно, - размышляет он, оглядывая барханы. – Теперь держи ровно на север.

Оглы молча выполнил распоряжение.

И всё было бы ничего, если бы бывший оперуполномоченный не почувствовал себя хуже. Боль в руке... ну, это понятно, она не прекращалась, и кожа на лице снова горела, но помимо этого на него стало наваливаться общее недомогание... И главное, пришло оно больно быстро, в течение одного часа. Сначала показалось, что его начал пробивать пот, несмотря на исправный кондиционер, а ещё через некоторое время вместе с подступающей тошнотой начала появляться и слабость. Как бы он ни садился на диване, как ни вытягивал ноги – ему было неудобно. Горохову почему-то казалось, что кожа на его лице должна быть красной, а когда он, не выпуская револьвера, решил прикоснуться ко лбу, то сам удивился, насколько лоб и волосы были мокрыми. Впрочем, он мог бы потерпеть это состояние, если бы проводник не начал бросать на него взгляды. Оглы видел, не мог не видеть, что с ним что-то происходит. А когда в очередной раз Горохов зашёл своим тяжёлым кашлем и уже отхаркивался, он случайно поднял глаза на проводника, а тот внимательно глядел как раз на него, а не на дорогу. Слишком внимательно...

И Андрею Николаевичу вспомнилась их потасовка из-за свечей. Горохов прекрасно помнил, насколько сильные у Аяза руки. В общем, слабость-не слабость, а нужно было держать себя в руках. Или принимать препараты... Но бывший оперуполномоченный считает, что он ещё в силах себя контролировать... И пока будет экономить и обезболивающее, и стимуляторы. Вообще-то путь у него неблизкий. Так что Горохов решает терпеть.

«После обеда выпью стимулятор».

А боль и недомогание... ну... придётся ехать с ними.

Он настроил рацию на ту волну, на которой обычно общаются капитаны лодок, что сплывают по реке. Андрей Николаевич звук не включил, а мигающий индикатор на радиации заметил не сразу, а когда заметил и взял рацию в руку, то успел перехватить лишь последние слова диалога, доносившиеся из динамика.

«... двух дикарей... Как раз там, на возвышенности были».

«... ну тогда держись правого берега, принято. Спасибо, Серёжа. Давай! Конец связи».

Капитаны лодок предупреждали друг друга о даргах на берегу. Горохов смотрит на Аязу, тот тоже всё слышал, но, кажется, ждёт от бывшего уполномоченного распоряжений, и тогда тот говорит ему:

- Уходим от берега, бери на северо-запад.

Проводник сразу сворачивает с прежнего направления и прибавляет газа. Он тоже понимает, что эти беспокойные районы нужно проехать быстрее. Там, километров через восемьдесят на север, ближе к Майкору (большой армейской заставе), будет поспокойнее. Но эти восемьдесят километров по карте на грунте выльются во все сто пятьдесят... То есть по барханам часов пять хода. Пять часов по землям даргов.

И Оглы всё это понимает; конечно, он устал не менее Андрея Николаевича, но страх сам по себе неплохой стимулятор. Проводник, чуть склонившись к рулю, внимательно смотрит вперёд, и Горохову кажется, что в ближайшее время тот не начнёт дурковать.

Пока. Вот только он не мог решить, сколько будет длиться это «пока». Всё дело было в том, что ему становилось ещё хуже. Ко всем прочим своим недомоганиям, которые и так ему досаждали в немалой степени, он вдруг стал чувствовать, что у него начинают болеть ещё и глаза. Сначала они начали слезиться, и Андрей Николаевич подумал, что это от недосыпа и яркого дневного солнца, от нестерпимо светлых барханов. Но он понимал, что на барханы ему трудно смотреть несмотря на то, что стёкла кабины были затонированы. Это был нехороший знак. Бывший оперуполномоченный снова лезет в аптечку, там должен быть маленький пластырь с каплями для глаз. В каждой аптечке есть такой, хотя до сего дня Горохов никогда подобными каплями не пользовался. Они принесли облегчение. Но тревожности не убавили.

«Глаза... Что с ними? Могут ли они начать болеть из-за радиации, что я схватил в бункере?».

В общем, из всего букета его недомоганий это было, наверное, самым неприятным. Он снова бросает взгляд на проводника. Тот уже осунулся, лицо усталое, но он ведёт машину. И даже замечает следы ног вперёд Горохова:

- Дарги прошли. Вон следы...

- Останови, - сразу командует Андрей Николаевич и, надев очки, вылезает из машины.

Так и есть. По подножию длинного бархана прошла стая даргов, два молодых воина, самка, кажется, с детёнышем. Обычное дело, так разделяются большие стаи этих существ. Два молодых самца, достигших полового созревания, но не получивших от стаи самку, воруют оружие и одну женскую особь и уходят на новые территории. Эти прошли здесь часа два назад, шли на восток к реке.

«Там, конечно, больше саранчи, но там и шершней больше».

В общем, было ясно, что даргов в этих местах много. Он возвращается и говорит Аязу:

- Соберись и будь внимателен, до вечера останавливаться не будем... Нельзя.

Аяз ничего ему не ответил, включил передачу и поехал дальше. А Горохов стал думать о том, какой препарат ему принять – стимулятор или обезболивающее. За час езды дважды оживала рация, он слышал переговоры капитанов на реке. Это немного успокаивало его: хоть какие-то люди рядом. Аяз тоже слушал. А после, ещё через полчаса езды, Горохов почувствовал, что пора принимать стимулирующее вещество, потому что он стал... нет, не засыпать, а проваливаться в тяжёлое забытие. Пару раз он каким-то чудом выдёргивал себя из него, воз-

вращаясь в реальность и стараясь после этого себя как-то взбодрить... И, конечно же, Оглы всё это замечал. В общем, больше тянуть было нельзя, и он закидывает в рот синюю капсулу, запивая её водой.

Через пять минут бодрость к нему возвращается, и снова он прислушивается к разговорам, что доносятся из рации. Да, теперь Андрей Николаевич чувствовал себя поувереннее, но... глаза у него начали гореть и слезиться. Он снова закапал их. А потом откинул голову на диван и закрыл веки. Жжение не проходило. А ещё появился привкус железа во рту... Или привкус крови. Он думает, что это из-за грибка, и, зажав револьвер между колен, сплёвывает себе в ладонь. Некоторое время разглядывает свою слюну, но следов крови в ней не находит и вытирает руку о полу пыльника. Его слюна опасна для окружающих, для Оглы в данном случае; она может носить в себе споры грибка, обосновавшегося в бронхах Горохова, но Андрею Николаевичу на это плевать. А глаза продолжает жечь, и теперь ему кажется, что жжёт их изнутри, из черепа. Он в который уже раз закидывает голову и некоторое время едет так.

Бывший уполномоченный всегда полагался на свою внимательность. И не напрасно, она его никогда не подводила. Вот и теперь он, едва открыв глаза, сразу заметил: что-то изменилось в кабине грузовика. У него была тяжёлая голова и глаза горели, но ему потребовалась всего пара секунд, чтобы понять, что именно. Оглы был всё такой же, и кабина не изменилась, а вот свечной ключ из дверного кармана... не торчал.

Сам по себе это был небольшой кусок железа, двадцать сантиметров в длину. И не такой уж и тяжёлый. Но в сильной руке...

В общем, Горохову стало ясно, что Оглы не успокоился и что договориться с ним не получится; и что теперь ему лучше глаз не закрывать. Горохов ничего насчёт ключа Аязу не говорит, а просто едет дальше, всматриваясь через пыльное стекло двери в окружающие их барханы, в грунтовые проплешины с кактусами. А мотор машины чуть напрягается, началась возвышенность, и грузовик ползёт в гору. И, как палцы из песка, один за другим стали возникать термитники. И он узнал это место. Да, он здесь бывал пару раз. Горохов сразу принимает решение:

- Бери на восток.
- К реке? – кажется, Аяз удивлён.
- Да.
- Зачем? – не понимает проводник. – Ты же говорил, нам на север.
- Мне нужно отдохнуть, - отвечает Андрей Николаевич. И добавляет: – Тебе, кстати, тоже.
- Днём будем отдыхать, сейчас, что ли? – всё ещё сомневается Оглы.
- Да, сейчас, я устал, мне нужно поесть и поспать.
- А дарги?
- Я бывал здесь... Берег – сплошные гнёзда шершней, тут не должно быть даргов, – обещает ему Горохов. Хотя сам он в этом не уверен, но шершней тут действительно всегда было в изобилии. Но и дарги могут присутствовать. Но теперь, если выбирать между небольшой вероятностью нарваться на дикарей или, едва закрыв глаза, получить опасный удар... Горохов выбирает даргов.

Они ещё некоторое время, примерно полчаса, поднимаются на возвышенность, а потом Андрей Николаевич говорит ему, указывая стволом револьвера:

- Вон камни, езжай к ним, там спуск к реке... Прямо вдоль гряды... Там удобно.

Да. Это место он помнил, именно так всё и было. И уже через некоторое время один за другим в лобовое стекло машины врезались два шершня. Судя по всему, когда-то это был рукав какой-то реки, впадавшей в Каму, а теперь он превращался в реку только в сезон дождей. В сухое же время это был вполне удобный каменистый спуск с сильными потоками воздуха, тянувшими от воды, поэтому почти без песка и пыли. Тут и температура была на пару градусов

ниже, чем на возвышенности или в барханах. Это бывший оперуполномоченный сразу отметил.

- Так и езжай, - говорит он проводнику, и тот ведёт машину вниз по руслу, как по туннелю. И вскоре они уже видят первые признаки воды – кусты акации примостились прямо на краю русла. И, конечно же, шершни... Они тут тоже есть. А ещё метров через сто пошли пучки рогоза – вода.

- Приехали, - говорит Андрей Николаевич. – Глуши.

Аяз глушит мотор и ставит грузовик на ручник. Аккумуляторы в машине отличные, кондиционер даже не заметил выключенного двигателя. Они сидят некоторое время и прислушиваются к тишине. Слышно, как пощёлкивает раскалённое железо в амортизаторах. Но долго так сидеть Горохов не может, у него болят глаза, и бывший оперуполномоченный говорит своему спутнику:

- Надо осмотреться.

- Что? – не понимает Оглы. Или скорее делает вид, что не понимает. Андрей Николаевич настаивает и произносит, чётко выговаривая слова:

- Вылезь из машины, заберись на верх, аккуратненько, и оглядись, нет ли следов даргов поблизости.

- Да какие тут дарги?! Тут осы повсюду... - продолжает упрямиться Оглы. Лицо у него лоснится от пота, глаза злые, проводнику явно не хочется выбираться в зной из прохладной кабины.

У Горохова болят глаза, болит обрубок руки, ему хреново, и этот дурак постоянными своими пререканиями просто выводит его из себя. И тогда бывший оперуполномоченный просто наводит на него ствол револьвера и говорит с подчёркнутым спокойствием:

- Во-первых, ты выйдешь и осмотришься... Причём сделаешь это аккуратно. А во-вторых, ты будешь спать в кузове, там есть инсектицид...

Спокойствие, холодные глаза и «зрачок» револьверного ствола делают своё дело. Аяз, бросив на своего неприятного спутника нехороший взгляд, тянет ручку на себя и открывает дверь.

А потом и выпрыгивает из кабины... Дверь он захлопнуть не успевает... так как бывший уполномоченный поднимает своё оружие...

Пахх...

Горохов быстро двигается по дивану, садится на водительское место и закрывает дверь кабины. Струя из кондиционера разгоняет пороховой дым, и он относительно спокойно вздыхает, кладёт револьвер рядом с собой и с удовольствием разминает уставшую руку. И только после этого откидывает голову и закрывает глаза. Ему нужно несколько минут, чтобы отдышаться, прокашляться и просто посидеть с закрытыми глазами.

Глава 7

Спокойствие. Некоторые счастливицы не понимают значимости этого ощущения. Не понимают, как может быть хорошо и спокойно от осознания того, что нет рядом с тобой никого, кто собирается тебя убивать. Теперь можно было выпить и капсулу с препаратом, что снимет или во всяком случае заметно притупит боль. Он так и делает. Но перед этим по привычке вытряхивает стреляную гильзу из барабана револьвера и на её место вставляет новый патрон. Снаряжение оружия всегда в первую очередь. Это тоже часть спокойствия. Пять минут после обезболивающего Андрей Николаевич сидит, прислушиваясь к своим ощущениям. Да, ему становится лучше. И как только он смог закапать в очередной раз глаза и проморгаться, сразу запустил руку себе во внутренний карман пыльника, расстегнул пуговицу и достал оттуда блок с пробирками...

Вещество. Первожизнь. Реликт. Там, возле резервуара, ему не дали его рассмотреть. Теперь же у Горохова есть для этого минутка. Вещества не было видно в пробирках, оно на удивление прозрачное, поэтому он и не смог сразу разглядеть его в бассейне; только по уровню, по верхней кромке можно было определить, что пробирки чем-то заполнены. Да, оно похоже на то, что у него уже было. И теперь Горохову эту удивительно ценную субстанцию нужно было доставить в то место... в то место, где его вылечат. «Подросток» с прозрачной кожей обещал ему новый «корпус»... И теперь вещество у него было... Куча драгоценного вещества. Вот только ему нужно было ещё как-то добраться до укрытия пророка. И сделать это так, чтобы не попасться на глаза своим бывшим коллегам из Трибунала и бандитам, нанятым его бывшим начальством. Впрочем, у него были мысли на этот счёт. Главное, ему нужно было не раскиснуть и не разболеться вконец. В общем, расслаживаться у него времени не было. И он прячет драгоценность обратно.

Безопасность. Это задача первоочередная. Он открывает дверь, выпрыгивает на жару и, не обращая внимания на труп проводника, идёт к кузову грузовика... И тут понимает, что путешествие будет нелёгким, так как даже в кузов залезть с одной рукой, и то оказывается непросто. Но в кузов ему попасть было необходимо, так как, едва открыв дверь кабины, Андрей Николаевич сразу услышал отдалённый звон... Низкие вибрации, доносимые ветром...

Шершни. Ему пришлось попотеть в темноте и духоте кузова, прежде чем он нашёл инсектицид. Потом, опять же не без труда, скрутил тугую крышку с флакона и облил себя всего, не экономя вещество. Плечи, фуражку, рукава, полы и даже ноги... От клещей и пауков этот инсектицид вроде тоже должен был защищать. Закрыв флакон, спрятал остатки в карман. И лишь после этого уже без опаски выпрыгнул из кузова.

Теперь труп. Он присел возле него и стал обыскивать. Андрей Николаевич знал, что проводник показал ему не все карманы. Задние карманы Аяз не выворачивал. Первое, что нашлось в глубоких карманах брюк Аяза – это свечной ключ. Ну, это было понятно. Дальше – рукава рубахи. Там в потайном кармане обнаружилась стальная монета. Была она величиной с медную пятирублёвку. На одной стороне был изображён самый мерзкий и опасный из всех обитателей степи – паук. На другой слова: «Лишь о будущем». Он уже был знаком с монетами сектантов, но паук на одной из сторон...

«Наверное, Оглы был каким-то важным типом. Особенным».

В общем, теперь у него было две монеты сектантов. Затем Горохов находит пластиковую коробочку с какими-то таблетками. Надписей нет. Таблетки в качественной оболочке, видно, что непростые. Он их не выбрасывает. И потом в задних карманах брюк находит две вещи, видно Аяз их умудрился спрятать при обыске, которые убеждают его в том, что его решение насчёт проводника было верным. Одна вещица – это маленькая ампула с плотной крышкой, величиной с мизинец, с коричневой маслянистой жидкостью. А вторая вещь – шило с плоским жалом в семь сантиметров. И то жало было непростое. В нем была проточена сквозная полость, как будто в него собирались вдевать нитку. Но Горохов уже видел такие шила раньше. И такие пробирочки тоже. Эта полость в жале шила была нужна не для нитки, а как раз для того вещества, что было в пробирке. Сначала жало обмакивали в жидкость, в парализующий яд, а потом достаточно было воткнуть его в человека, в мягкие ткани, чтобы через пять минут он даже и разговаривать уже не мог. Таким образом похищали людей... Ну, например, для того, чтобы передать их тем же сектантам краснолицего пророка. На переработку.

«Вот что имел в виду Оглы, когда говорил, что знает, что делать в том случае, если кто-то в последний момент отказывался идти в бункер. Сразу нанести удар шилом он побаивался, знал, что я успею выстрелить прежде, чем меня расслабит яд. Поэтому думал ударить ключом пару раз, как только я засну... Это для начала, а пока я приходил бы в себя после этого – воткнуть шило. Дальше мог просто выскочить из машины и подождать некоторое время... А потом отвез бы меня к бункеру с чертями, чтобы получить свою пробирку. Он же не знал, что

я перебил их там неплохо... Хотя он обыскал бы меня и нашёл бы мои пробирки. Для этой твари шесть пробирок – шикарный улов. В общем, рабочий был у него план. Хорошо, что я пристрелил этого урода».

Он, не взглянув в лицо мертвеца, прячет шило и пробирку себе в карман. И тут же сначала слышит, а потом и видит, как к нему подлетает здоровенный шершень. Роскошный, оранжево-чёрный, блестящий. Насекомое явно привлечено запахом крови. Но не подлетает, зависло и висит в воздухе... Ему не нравится резкий запах инсектицида. И тогда Горохов не спеша, чтобы не разозлить насекомое, встаёт.

- Ладно – ухожу уже, жрите его...

Он возвращается в кабину и принимается за рации, проверяет их зарядку. Одна у него уже настроена на нужную волну, вторую он настраивает на неё же, но ещё включает опцию «ретранслятор» и, забрав рацию, снова выбирается из машины. Теперь ему нужно забраться на холм, в котором притаился его грузовик. И он не без труда вылезает наверх. Сразу оглядывается. Главное, конечно, дарги... Но нигде не видно их следов. Это надо сказать спасибо шершням. Как раз ещё одно насекомое подлетает к нему... познакомиться. Горохов старается не делать резких движений. Злить их не нужно. Пусть шершень «принюхается» и улетит. Так и происходит... А Андрей Николаевич идёт вверх по склону, заросшему отличным кактусом. Прекрасные побеги, крупные, тяжёлые от воды, синеватый отлив говорит об их спелости. Эти отличные плоды – верный признак того, что даргов тут не бывает. Это его немного успокаивает. С холма, на который он взобрался, отлично видно реку, до неё метров пятьдесят, не больше, она катит свои бурые воды на север и скрывается за изгибом русла. Берега, и пологий правый, и крутой левый, заросли проклятым рогозом... На том берегу снова тянется степь... Там она другая... Там больше камня... Больше термитников. И нет даргов... Ему нужно туда.

И он берёт рацию, ещё раз проверяет её и устанавливает на самом высоком месте, которое нашёл, примотав по возможности крепко к стволу одного из кактусов, чтобы её не скинуло в реку вечерним зарядом. Потом, ещё раз оглядев округу, спускается к машине.

Возле трупa Оглы уже порхает мотылёк-трупоед, и пара шершней ползает по разбитой пулей голове, собирает самое вкусное, ценное – питательные жидкости. Он проходит аккуратно, чтобы не разозлить их; теперь, когда пища рядом, насекомые становятся особенно опасны. Горохов подходит к кабине со стороны пассажира и влезает внутрь через дверь. В кабине ему становится легче. Несмотря на медикаменты, всё-таки он болен и ослаблен. И только что Андрей Николаевич в этом убедился, когда взбирался на возвышенность.

Отдыхавшись и вытерев пот с лица, он первым делом проверяет рацию. Теперь, когда на вершине холма у него есть вторая рация-ретранслятор, он в состоянии слышать переговоры капитанов в радиусе десяти-двенадцати километров. Но пока в эфире никого. Тогда бывший оперуполномоченный сам выходит в эфир. Несколько раз запрашивает, в надежде, что хоть кто-то ему ответит, но рация молчит. На реке и в степи никого нет. Тихо. И тогда Горохов решает пообедать.

Первые три лодки, проходившие мимо, отказались взять его на борт. Капитаны говорили, что левый берег мелководный, что они не знают его. Ввали. Люди просто боялись. И он их не осуждал. Это были нехорошие места. Андрей Николаевич откидывался на диван и снова ждал. Пил воду, ел, курил, колол антибиотики и терпел боль и недомогание... Экономил и препараты. Он уже собрал рюкзак, самое необходимое для перехода по степи, и ждал... Ждал, пока повезёт и кто-то из капитанов согласится подойти к берегу и забрать его. На это он уже выделил десять рублей. Хорошие деньги, даже для капитана. Время от времени он проваливался в забытие, заменившее ему сон, но сразу просыпался, едва из рации слышался даже самый лёгкий шорох. Он уже думал, что ему придётся лезть в кузов за топливом, так как даже на самых малых оборотах мотор всё-таки его сжигал. Но под утро, перед самым рассветом, быв-

ший оперуполномоченный услышал переговоры двух капитанов и смог наконец разжалобить одного из них, или соблазнить деньгами, в общем, уговорить подойти к берегу и забрать его.

- Ладно, давай, - произнёс тот, - говори, где ты есть.

Это были слова, возможно, самые долгожданные им за этот год. Он выключил двигатель, ещё раз окинул кабину взглядом, облил себя парой капель инсектицида и при первых лучах восходящего за рекой солнца вылез из машины через пассажирскую дверь. Он пошёл к кромке воды и только один раз обернулся, чтобы взглянуть на машину... запомнить её. Конечно же, бывший оперуполномоченный не удержался и бросил взгляд на труп проводника. Но его даже разглядеть было нельзя; сейчас, на рассвете, это была просто чёрная масса, сплошное шевелящееся покрывало из мотыльков, хищных ос и клещей. Через трое суток от мертвеца останется лишь костяк и одежда. А через месяц не останется ничего, кроме ботинок из крепкого пластика и резины, мотылёк-трупоед растворит и съест даже кости с тряпками.

Капитана звали Бородин. Костистый, ещё крепкий старик без доброй половины зубов и с неяркими ещё признаками проказы. Он сразу так проникся пониманием к Андрею Николаевичу, что даже не хотел брать от него деньги.

- Да погоди ты... - говорил он, не глядя на новенькие медные рубли, что протягивал ему Горохов, уже расположившийся у него на мостике. - Ты расскажи, что с тобой приключилось.

Матрос к тому времени уже убрал сходень, и лодка, дав сначала задний ход, потом развернулась и пошла на юг.

- Да что тут может приключиться, - отвечал Горохов, всё ещё держа деньги в руке, - дарги... Вот что приключилось.

- Руку... они тебе? - любопытствовал один из двух матросов, пришедший на мостик, тоже уже немолодой человек, которого все на лодке звали Семёныч.

- Прострелили, - рассказывает Андрей Николаевич. - Разбили её так, что не собрать было, пришлось резать.

- Сам резал? - ахнул Семёныч.

- Да нет... Напарник.

- А где же он сам? - интересуется третий человек на судёнышке, имени которого Горохов ещё не знал.

- Нет его больше... Ему пуля в голову попала.

- Вот паскуды! - восклицает Бородин с негодованием. - Вот напасть, зараза, никакого сладу с ними нет!

- А что же вы, не знали, что ли? Весь же левый берег, он в даргах; они до самого Майкора доходят, - не понимает Семёныч.

- Сбились с пути во время заряда, - отвечает Горохов. - Мы как раз на Майкор и шли, я спал, а напарник устал, что ли... А как поняли, где... - Андрей Николаевич делает паузу, - потом нужно было возвращаться обратно от берега в степь, а уже не хотелось время, топливо терять... Думали, что проскочим напрямки.

- У-у... Вот и проскочили, - соболезнует Бородин. - Слушай, мы до Полазны идём, там есть врачи хорошие; если есть деньги, они тебе руку-то восстановят...

- Да, - соглашается бывший оперуполномоченный. - Наверное, восстановят.

И снова, привстав, предлагает деньги капитану.

- Да не нужно... - отмахивается тот. - Угомонись ты с деньгами. Сядь, вон водички попей, или поешь, может?

- Поем и попью, - соглашается Горохов. - Но деньги возьми, капитан, мы с тобой как по рации договорились - так и должно быть. Бери, это честные деньги.

- Нет, говорю же - не возьму, что же мы, не люди, что ли? - отрезает Бородин. - Понимаем, что человек в беде, как с него деньги брать?

- А машину ты где бросил? - интересуется матрос, имени которого Горохов не знал.

- В пяти километрах от берега, - отвечает Андрей Николаевич и трёт глаза, они болят и снова слезятся. Он достаёт капли.

- С товаром, наверное? – не отстаёт матрос.

- С товаром, с товаром, - вздыхает Горохов и закапывает глаза. А потом спрашивает: – Капитан, а стимуляторы, обезболивающее у вас тут есть?

- Кофеин и анальгин... найдём, наверное, - отвечает Бородин и уточняет: – Семёныч, анальгин-то у тебя остался?

- Есть, есть, - заверяет тот.

- Я куплю всё, что у вас есть, - говорит бывший оперуполномоченный и смотрит на команду лодки.

Глава 8

Капитан вроде ничего Горохову не говорил, но косился на него... ну, как минимум с непониманием: зачем он выпил две таблетки кофеина? Этому пассажиру прилечь в кубрике под кондиционер и поспать, а он, вон, наелся, потом таблеток принял и на мостике сидит, курит и на реку таращится. А чего там смотреть? Бурая вода, по краям рогоз, как и везде. Степь с одной стороны плоская, с другой с камнями, вот и весь пейзаж, а этот безрукий таращится туда. У самого глаза болезненные, красные, и каплею он на них не жалеет, он и очки надел дорогие, а с мостика спать не уходит, хотя ему два раза предлагали.

И так продолжалось четыре часа, пока гружёная лодка Бородина тащилась против течения. Четыре часа пассажир молчал, уже Семёныч встал у руля, а капитан сел у него за спиной, и тут раненый заговорил вдруг:

- А что-нибудь слышно про казаков? Кто там кочует сейчас на правом берегу?

Семёныч и капитан переглянулись: зачем ему это? Потом Бородин и отвечает:

- Да кочуют вроде, куда же они денутся?

- А кто сейчас в этих местах? – продолжал интересоваться Андрей Николаевич. – Ходи-Нога ещё кочует?

- Да Бог их знает, их же там, на берегу, много всяких толчется, - отвечает Бородин. – Мы их и не знаем всех; может, Ходи-Нога сегодня главный на старых колодцах, а может, ватага Карпа Беспалого. Нам главное, чтобы они на реке не озорничали, а кто там из них по берегу бродит, нам всё едино.

- Ну а про кого слышали в последний раз? – не отстаёт от речных людей странный пассажир.

- Кочует ещё тут Ходи-Нога, месяц назад в Полазне разговор про него был, – вспоминал Семёныч, - Я там в рюмочной слышал краем уха... Кажись, про него говорили. Он вроде как воду чистую в Полазну возит.

«Месяц назад... Для атамана казаков немалый срок, он уже тридцать раз в песок мог улечься за это время».

Но ничего другого капитан и его матрос про казаков правого берега ему рассказать не могли. А тут как раз показалось то, чего он ждал. Горохов крепко зажмуривается, у него странное чувство: анальгин вроде и ослабил боль в глазах, но появилось ощущение рези, словно в оба глаза попал песок. И теперь ему нужно было несколько раз сильно зажмуриться, прежде чем это чувство проходило. И как оно отступило в этот раз, Андрей Николаевич и говорит:

- Капитан, вон скала над берегом...

- Ну? – Бородин смотрит то на него, то по курсу своего судёнышка.

- Я под нею сойду, – продолжает Горохов.

- Чего? – теперь и Бородин, и Семёныч, оба смотрят на него с удивлением. – В каком смысле сойдёшь?

- В прямом, - уверенно отвечает бывший оперуполномоченный.

- Да ты в бреду, что ли? – не верит капитан. – Там же степь, дичь...

- Ничего, я к степи привычный, - заверяет его Горохов.

- Полазна утром будет, там врачи... - напоминает пассажиру Семёныч, - там подлечишься, отлежишься...

- Хорошо бы, - врёт Андрей Николаевич. – Да некогда.

И вправду... Как было бы хорошо лечь в больницу, подлечиться, восстановить руку, выяснить, что с глазами. Но это было исключено; скорее всего, если он сойдёт на пирс в Полазне, так Поживанов об этом будет знать уже через пятнадцать минут.

Нет, варианта с медсанчастью Полазны Горохов даже не рассматривал, потому он настоял:

- Я сойду здесь. Только воды выпью у вас ещё. Он у вас хорошая.

- Да пей сколько влезет, - отвечал ему капитан с некоторым сожалением.

Мужики попытались его отговорить ещё раз после того, как он напился, но поняли, что это невозможно, тем более он сказал им, что места эти и берег знает. Ну не силком же его на лодке оставлять, тем более что человек вроде в разуме; они и согласились. Подошли аккуратно, чуть ткнулись в берег, Семёныч положил ему сходень до самой суши, так, чтобы пассажир даже ног не замочил. А тот, перед тем как спуститься, засунул ему в карман две пятирублёвки со словами:

- Это вам, мужики.

И пока старый матрос доставал из кармана деньги, пока рассматривал их, бывший оперуполномоченный уже был на берегу. Ему не жалко было этих десяти рублей, он не изменял своему простому принципу: «Плохих убивать, хорошим помогать».

Лодка отвалила от берега, и он помахал речным людям рукой. Но потом повернулся и стал взбираться вверх по склону. Андрей Николаевич торопился, у него было не так уж много таблеток, он не знал, на сколько их хватит, а без стимуляторов... Горохов не был уверен, что без препаратов у него хватит сил осуществить задуманное. Лодка ещё не скрылась из виду, а он уже искал нужный камень для своей идеи.

И нашёл что-то подходящее невдалеке от берега. Это был камень метра три высотой, с почти плоским верхом, и на этот камень можно было взобраться. Бывший оперуполномоченный подошёл к нему, сбросил рюкзак и обошёл камень кругом. Осмотрел со всех сторон. Да. Он подходил ему. Раньше он забрался бы на такой камень за секунду... Но раньше у него было две руки, и те руки были полны сил, а теперь ему пришлось попотеть, прежде чем он влез на этот каменный зуб. Он остановился на нём и осмотрелся, ну, насколько это позволяли ему сделать снова заслезившиеся глаза. Это хорошо, что он взял с собой дорогие очки, теперь они реально выручали его, снижая ярость полуденного солнца. Никого вокруг не было. Ни в степи, ни на реке. Ни одной живой души. Он не нашёл даже намёка на человеческое существование. В общем, хорошее место. Тогда он достал из кармана блок-контейнер с пробирками. Он был особенный. Из крепкого пластика, с хорошими креплениями для пробирок, тем не менее одна сторона в нём отсутствовала. Теперь бывший оперуполномоченный знал, почему у контейнера нет одной стороны. Горохов вытащил из него пробирку и спрятал её в карман. А сам блок поставил на камень таким образом, чтобы оставшиеся пробирки были развёрнуты на юг, к солнцу.

«Оглы говорил, что одна пробирка пролежала у него на крыше около трёх месяцев, и вещество сохранилось в отличном состоянии...». Он надеялся, что этого времени ему хватит, чтобы вернуться за оставшимися пробирками. А без него...

«Хрен кто получит это сокровище!».

Песком тут, на камне, их не могло замести, но вот любой заряд снёс бы блок с ценнейшим веществом с камня. Нужно было как-то укрепить контейнер. И для этого ему пришлось снова тратить свои силы. Пришлось спускаться со скалы к рюкзаку, а ещё найти четыре камня. Камня

немаленьких. Потом затащить их наверх, на скалу, и при помощи этих булыжников и куска бечёвки укрепить контейнер так, чтобы его не сдуло зарядом. Простое, казалось бы, дело – спрятать контейнер так, чтобы вещество не поггло. Но на это у него ушло почти два часа. Два часа и куча сил. Спустился он со скалы уже почти в изнеможении. Хотя сегодня было не так уж и жарко, градусник не показывал даже и сорока восьми, и по небу бодрый ветер нёс и нёс на запад облака, всё равно ему было тяжело. И, посидев в тени скалы, он всё-таки закинул в рот ещё одну из таблеток кофеина, которые купил у капитана лодки. Потом ввел себе последнюю порцию антибиотика, выпил ещё одну капсулу лекарства против грибка и уже в который раз за день закапал глаза. Хорошо, что выпил три литра воды на лодке. Напиться впрок надолго невозможно, но эти три литра позволили ему четыре часа провести на солнце, не прикасаясь к своей воде. То есть воду, которую Андрей Николаевич взял с собой, за всё время, что провёл на берегу, он так и не тронул. После, посидев-покурив ещё немного в тени скалы, он всё-таки собрался, встал, взял рюкзак и закинул его на плечи. Его секстанта при нём не было, но компас был, а эти места бывший оперуполномоченный худо-бедно помнил, так что он знал, что ему нужно идти от берега на восток. Туда, где он когда-то бурил землю, чтобы найти воду...

Теперь его волновали не силы, Андрей Николаевич был уверен в себе, он знал, что даже в таком состоянии, в каком находился сейчас, он сможет пройти до ночи десять километров. Но вот глаза...

Теперь просто проморгаться не получалось, нужно было остановиться и постоять немного зажмурившись, чтобы острота зрения восстановилась. А иначе всё начинала застилать пелена. И то, что солнце теперь светило ему в спину, уже не спасало, даже через его отличный «Спектор» барханы начинали казаться белыми. Нестерпимо белыми. Закапать глаза было можно. И после капель их немного щипало, зрение как будто возвращалось к нему, но вся беда была в том, что... капли кончались. Их в пластиковом тюбике осталось уже меньше половины. Их нужно было экономить. Поэтому он шёл и останавливался, пытался промыть глаза водой, надеясь смыть пелену, или стоял, зажмурившись, четверть или половину минуты. И как только появлялась возможность, снова шёл дальше. Ровно на восток от реки. Подниматься даже на «концы» барханов Горохов не хотел, в песке тратилось слишком много сил, он обходил холмы и поэтому часто заходил в заросли кактусов и белой, похожей на прочный пластик колючки. Клещи, песчаные клопы и пауки. Ну, пауки всё-таки будут ждать ночи, а вот клопам и особенно клещам испепеляющее солнце нипочём. Ему пришлось остановиться, снять рюкзак и достать оттуда единственную бутылочку с инсектицидом. Андрей Николаевич обрызгал себе брюки и обувь. Хотя знал, что инсектицид больше помогает от опасных пауков и шершней, почему-то он подумал, что те и другие насекомые... благородные. Они, конечно, страшные, но нападают не таясь и рискуя быть прихлопнутыми одним движением, а вот эти мерзкие твари, что могут тянуть свои передние лапы с любого куста... Эти совсем не такие... Нет, эти зацепившись за штанину, будут втихаря ползти до живых тканей или прогрызать материю, пока не доберутся до кожи, а потом уже, безболезненно и абсолютно незаметно, проникнут и под неё, так же безболезненно углубятся внутрь организма, и вот как раз тут и начнут уже доставлять носителю неприятности. Настоящие неприятности. Эту тварь, даже заметив на одежде, не прихлопнешь, и к инсектициду клещи относительно устойчивы. Запахи их отпугивают слабо. Только если сам яд вещества попадёт на них. И вот теперь Горохов останавливается, сжимает перчатки и ими начинает бить по одежде, стряхивая с себя этих тварей. Вот только когда у него было всё в порядке с глазами, он мог бы ещё и осматривать себя, а теперь всё мелкое перед ним расплывалось, даже если снять очки с тёмными в это время суток стёклами. И он стучал по одежде не осмысленно, а скорее по заложенным в его мозгу алгоритмам. Надо признаться, он всерьёз опасался этих мелких тварей... Сейчас для полного счастья только клеща ему не хватало.

К четырём часам дня он делает первый привал. Идти дальше сил уже не было. Боясь клещей, он снимает рюкзак и присаживается прямо на песок, причём с той стороны бархана, которая ещё недавно была под солнцем. Но именно тут, на раскалённом песке, никаких насекомых быть не может. Сил уже мало. И снова начинает донимать боль. Теперь уже не рука достаёт его больше всего. Теперь это глаза. Они не только отказываются как следует работать, но и болят глубоко в черепе. И он снова пьёт таблетки, одну кофеина и сразу две анальгина, хотя понимает, что обезболивающее, конечно, притупит боль, а вот кофеин с каждой новой принятой порцией действует всё слабее и слабее... У него, конечно, есть две капсулы с настоящим стимулятором. И две капсулы с настоящим обезболивающим... Но эти средства он держит как резерв, это на самый последний случай. Горохов запивает таблетки водой. Выпивает целый литр. Но сил встать у него пока нет. Хотя валяться на раскалённом песке – это не очень хорошая затея. И тогда он достаёт из рюкзака упаковку вяленой дрофы, зачем-то вспомнив при этом недавно убитого им проводника. Только после этого бывший уполномоченный поднимается с песка и закидывает свой рюкзак себе на спину, при этом чуть не рухнув обратно на бархан от потери равновесия. А ещё... Надевая ремень рюкзака на обрубок руки, он случайно задевает самый его конец...

Резкая, что называется, острая боль пронзает его... От руки в голову, а оттуда вместе с мурашками до копчика... Горохов стискивает зубы и несколько секунд шумно дышит через них, пережидая острую фазу боли. Смотрит, не проявится ли на предохраняющей ткани кровь. И только после того как боль стихает, а кровь не проявляется, он поправляет ляжку и отправляется в путь.

Всё дальше от реки на восток.

Идёт Андрей Николаевич медленно, не так, как ходил всегда, и мясо ест медленно, машинально, почти не замечая его вкуса. Всё так же старается обходить песок и при этом не залезать в растительность.

И так до того, как тень его заметно удлинилась, то есть за три следующих часа, он смог пройти... ну, наверное, километра три. Всего. То есть, по его расчётам, за всё то время, что он сегодня шёл, ему удалось преодолеть где-то одну пятую расстояния до казацких стойбищ. Этого мало. Очень...

А ещё после бесконечных таблеток у него что-то с головой. Мало того, что глаза половины не видят, так ещё и муть в башке. Иной раз плывёт всё, как у пьяного. Его собственные движения становятся какими-то тягучими, медленными. Это плохо... Не приведи Господь – сколопендра. Он не успеет среагировать. А если и успеет, в обрезе два патрона, ну, на сколопендру, допустим, хватит, а если варан? А револьвер у него висит на правом бедре. Кобура так устроена, что её на левое не повесить...

«Ладно... Как-нибудь управлюсь. Сейчас главное – идти... Идти, пока есть хоть какие-то силы».

А для сил нужна была еда, вот он и ел на ходу, не чувствуя вкуса.

Глава 9

Заряд застал его прямо на барханах. Он в сумерках приметил себе неплохие камни, где собирался переждать ветер, но не рассчитал время. Порывы ветра начались чуть раньше, чем он думал, в пяти сотнях метров от приметных камней. Сначала ветер принёс пыль, и Горохов, и без того видевший не очень хорошо, сразу ослеп в этой серой, рвущей полы одежды пелене. Ну а потом, как водится, ветер стал крепчать. И вместе с пылью полетел песок. В этот раз заряд был силён. Поток воздуха вперемешку с песком и пылью налетал на него с необыкновенной яростью. Горохов понял, что у него нет сил бороться с ветром, он был дезориентирован и просто устал. Бывший оперуполномоченный решил переждать заряд и плюхнулся на песок там, где был. Пока ему не нужно было опасаться насекомых, им сейчас было не до него, вот

так и лежал он, привалившись к одной из сторон бархана, засыпаемый песком и пылью. Ему хотелось скинуть рюкзак, плечи устали от ремней, но он так и не решился на это. Снимать, потом надевать – слишком много усилий. В общем, лежал с рюкзаком, только придерживал респиратор и очки – не дай Бог, сорвёт ветром.

Так и пролежал, пока заряд не начал затихать. Впрочем, он отдыхал все эти пятнадцать или двадцать минут.

Воздух сразу посвежел. Он выпил воды. Дальше лежать на барханах нельзя. После заряда степь оживает, мелкая и опасная живность выползает из песка. Горохов не без труда встаёт. Встал и покачнулся. То ли от усталости, то ли от резкого приступа головной боли. Несколько секунд он приходит в себя, а после отряхивается, высыпает песок из карманов и рукавов. Эта передышка на бархане... Она, конечно, пошла ему на пользу, Андрей Николаевич всё-таки сильно устал, но после этого незапланированного отдыха у него начала гореть кожа, а ещё разболелась не только голова, но и глаза. А во рту опять раздражающий привкус железа. Он сплёвывает несколько раз, пока избавляется от него. Горохов достаёт последние капсулы. Он едва различает их в лучах заходящего солнца. Всего у него их четыре. По две каждого вида. Бывший оперуполномоченный закидывает в рот один стимулятор и одну капсулу с обезболивающим. Выпивает ещё воды. И идёт дальше. Ему много нужно пройти.

И вот уже ночью, в темноте, пока не взошла луна, снова пригодились глазные капли. Глаза слезились, отказывались что-либо видеть в темноте, и жмурься-не жмурься, кроме тёмно-серой каши ничего разглядеть он не мог, всё расплывалось. Только закапывание как-то помогало ему фокусировать взгляд. Теперь, когда от тубика осталась только треть, он особенно тщательно вводил в глаза лекарство, чтобы ни капли не пролилось мимо. А кругом бушевала степная жизнь. Полетели козодои, тонко попискивая на лету, им отвечали гортанными криками дрофы, и всё это на фоне шуршащих крыльев насекомых. Когда поднялась луна, он немного приспособился. Зрение до его обычной полноты уже не возвращалось даже после очередного закапывания глаз, но Андрей Николаевич намечал себе камень или высокий термитник, которые, как правило, темнели на фоне песка, и шёл к цели по прямой, пока не добирался до неё и не находил новую приметную точку среди барханов.

«Главное – не останавливаться. Ночью, пока прохладно, нужно идти и идти! – он боялся остановиться, думал, что если остановится – тут же сядет на песок. – Нет, ни в коем случае».

Даже и со здоровыми глазами разглядеть ночью паука – ещё та задачка. Андрей Николаевич пьёт воду, потом достаёт из кармана рюкзака сладкие энергетические галеты из кукурузы, ест их на ходу. И идёт, идёт, идёт на восток, всё дальше уходя от реки.

Он уже не смотрел ни на часы, ни на компас, уже просто не различал, что они там показывали, просто шёл, запрещая себе даже думать об остановке. И всё чаще подумывал о том, чтобы выпить последнюю капсулу стимулятора... Но тут ему показалось, что чернота на востоке потеплела, изменила цвет. И его посетила догадка. Горохов остановился и обернулся... Да, так и было, месяц уже почти уплыл за горизонт. До рассвета оставалось не более получаса. Это придало ему сил. Значит, скоро взойдёт солнце и можно будет отдохнуть. Может даже, скинуть рюкзак. Да, да... Обязательно снять рюкзак... И ещё разуться.

Но пока он идёт дальше. Глаза у него работают плохо, но вот слух всё так же остёр, как и прежде. Он и помог ему в этот раз. Саранча за ночь утомилась и ближе к утру утратила свою активность, стало тише, и бывший оперуполномоченный услышал треск... Потрескивание и шипение. Оно исходило из-за бархана... А до того где-то в этом месте кричала дрофа. И едва услышав потрескивание и шипение, он сразу сворачивает со своего курса, уходит от него. От сколопендр лучше быть подальше, тем более что в темноте ты не можешь её даже разглядеть.

Горохов даже нашёл в себе силы, чтобы ускориться и перейти через ближайший бархан, а не обходить его. А дрофы ещё не наелись, продолжали кричать то тут, то там. Эти птицы

– верный признак местности, изобилующей насекомыми. А значит, и сколопендр тут должно хватать. Андрей Николаевич снимает очки и закапывает глаза, дальше идёт, держа руку на обреze. Тут нужно быть готовым в любую секунду.

А солнце тем временем показалось из-за чёрной линии горизонта во всей красе, в красном ореоле своих лучей. Наступало утро. Он рассчитывал, что пока не начало припекать, но уже стало светлее, ему удастся пройти ещё какое-то расстояние на остатках стимулятора... Нет, не получилось. Усталость снова стала брать своё. Да ещё и солнце... Теперь, всплывая из-за горизонта, оно всё больше светило прямо ему в глаза. «Спектор» стал затемнять стёкла, что только ухудшало видимость. Очки не были рассчитаны на плохое зрение. И тогда он их снял. Это помогло, но ненадолго, от света глаза стали слезиться. Пришлось снова расходовать капли.

В довершение ко всему в его отличном респираторе с нагнетателем села батарея. Микрокомпрессоры, нагнетающие и прогоняющие воздух через фильтры, остановились. И ему, конечно же, стало тяжелее дышать. У него был простой респиратор, но чтобы им воспользоваться, нужно было остановиться и снять рюкзак. Это было исключено, Горохов не был уверен, что если склонится к рюкзаку, снова сможет встать. Поэтому шёл дальше, хоть дышать приходилось с усилием.

Ещё через некоторое время он заметил, что останавливается примерно через каждые сто шагов, останавливается и стоит, и что пытается при этом поправить ремни рюкзака. Просто у него уже не было сил, чтобы продолжать движение без остановок. Ему они были необходимы. На самом же деле он даже посматривал на песок. Кажется, первый раз в жизни он испытывал настолько сильное желание лечь и полежать. Но он знал, что заснёт, а значит, может уже и не проснуться. Андрей Николаевич достал из кармана коробочку с последней синей капсулой. Даже открыл её... Но всё-таки не решился использовать. Спрятал коробочку в карман и пошёл дальше. И, случайно бросив взгляд на север, заметил что-то не совсем обычное.

Кругом стояла утренняя тишина. Солнце понималось всё выше. Но разглядеть, что там, ему не позволяли глаза... Что-то темнело над барханами. Нет, не камни и не термитники... Нужно было понять, что это... Ему пришлось тратить лекарство для глаз, кажется, уже последние капли... Только после этого Андрей Николаевич смог... нет, не рассмотреть, а догадаться, что привлекло его внимание. Эта догадка сразу придала ему сил, и он изменил свой маршрут. Раньше Горохов шёл почти точно на всплывающее из-за горизонта солнце, а теперь стал забирать севернее, пошёл именно туда, где увидел то, что его остановило. Бывший оперуполномоченный очень надеялся, что там именно то, что он хотел увидеть.

Да, Горохов не ошибся и, подходя ближе, уже не сомневался в правильности своего предположения. Над барханами, вдоль них тянулись сети... И вскоре он добрался до ближайшей. Тратя последние свои силы, бывший оперуполномоченный, утопая чуть не по колено в песке, вскарабкался на бархан в два метра высотой и подошёл к сети. Он плохо видел, и ему пришлось снять перчатку, чтобы на ощупь удостовериться, что саранча в петлях ещё живая... Её было много, много живой саранчи... А значит, она свежая, попала в сеть в эту ночь. Мёртвых или старых насекомых, высушенных на солнце, в ловушке не было. То есть... сети проверялись ежедневно. И зная, что казаки делают отличный паштет, он понимал, что ловушки должны быть проверены до полудня, до солнцепёка. И только поняв всё это, Горохов стал снимать с себя рюкзак. Он сбросил его на песок и, не удержавшись, сам упал на колени. И, упираясь рукой, так, на четвереньках, простоял несколько секунд, ощущая одновременно и оупляющую усталость, желание лечь и заснуть, и лёгкость в плечах. Но мозг его ещё работал, и прежде чем так поступить, он достал бутылку с инсектицидом и вылил всё, что осталось в ней, на себя... На ноги, на плечи, на руки, шею... Затем загнал себе в бедро последнюю инъекцию антибиотика. А потом ещё выпил воды, несколько глотков. И лишь после этого привалился к своему рюкзаку.

Он, конечно, помнил этот голос. Нет, не человека, а сам голос. Его характерный, чуть хриловатый тембр и выразительный говор с прищепётыванием:

- Вот, робятки, видите, какого варана к нам на угодыя занесло... Эй, эй... Жив ты хоть? - кто-то треплет бывшего оперуполномоченного, качает ему голову из стороны в сторону. - Давай, давай, просыпайся, инженер, просыпайся, а то окочуришься на песке.

У него пересохло горло, и несмотря на эту сухость, он отчётливо ощущает всё тот же железистый привкус. И, что намного хуже... у него ломит глаза. Видно, из-за них и голова раскалывается. Горохов, как ему кажется, открывает глаза... Открывает – и ничего, серая пелена... Он не успевает даже испугаться, моргает несколько раз, но пелена не спадает...

- Жив! – констатирует молодой голос, и Андрей Николаевич чувствует в этом слове радость.

- Тихо, тихо, инженер, - шепелявый освобождается от его руки. – Ишь, как вцепился, вроде и при смерти, а хватает крепко...

И потом он слышит совсем рядом слова, от которых ему становится не по себе... И он, может даже от страха, крепко хватается руку, что прикасается к нему.

- Ой, да у него глаза сгорели! – третий голос совсем молодой, или даже детский.

- Как есть сгорели, – шепелявит взрослый.

- Солнечная слепота? – спрашивает молодой голос.

- Ну а что ещё? – говорит голос детский. – Видишь, яблоко всё красное в кровь, а роговица вон белая.

- Как же у него могли глаза сгореть, если у него такие очки? – не верит в такой вариант молодой голос. – Чтобы так глаза сжечь, нужно неделю по степи без очков гулять.

- Это, робята, такой человек... - произносит тут шепелявый, - что с ним всё что угодно приключиться может...

- Я помню его, он к нам на стойбище конфеты привозил, - вспоминает ребёнок.

- Да, бывал он у нас, - соглашается с ним шепелявый. – Инженер, - он наклоняется ниже. – Ты слышишь меня?

- Слышу... - хочет ответить Андрей Николаевич, но ничего, кроме сипения, выдавить из себя не может.

- Метёлка, дай ему воды... - командует шепелявый, и Андрей Николаевич чувствует, как ему с лица отодвигают респиратор и что-то прикасается к губам... Вода... Он делает несколько глотков.

- И руки у него нет, не иначе как варан напрыгнул, - глядя на то, как он пьёт, гадают молодой.

- Ну, дык, может статья, - соглашается с ним шепелявый. – Он из отчаянных, не стеснялся по ночам на мотоцикле своём ездить... А может, и нет, может, и не варан, уж больно ровно ему кто-то рукав обгрыз... В общем, Володька, кати сюда мотор, положим его и повезёшь в стойбище... К бабке Кристине его вези, а если атаман спросит: «кто?», скажи, что это старинный друг Лёвы. И мой тоже.

- А вы? – спрашивает молодой голос.

- А мы с Метёлкой саранчу будем вынимать, да я пройду по его следу пару вёрст, может, что найду или что выясню; как свезёшь его, так возвращайся за нами.

- Ясно.

- Не ходи, - сипит бывший оперуполномоченный. – Не ходи, ничего не найдёшь, всё моё со мной.

Но через мощный респиратор, в котором села батарея, его, конечно, никто не слышит. И повторять у Горохова нет сил. Вскоре до него доносится тарахтящий звук дешёвого двухтактного мотора. И его начинают приподнимать с песка:

- А ну, робятки, взяли его... - командует шепелявый. – Так... Так...

Андрей Николаевич не хочет быть просто мешком, он, как может, помогает своим спасителям. Даже делает несколько шагов с бархана вниз, а там уже валится в железный кузов квадроцикла.

- Рюкзак его давай, - командует Володька.
- Ты аккуратно его вези, - настаивает шепелявый.
- Да знаю, - откликается молодой.

И мотор с треском набирает обороты, а Горохов, лежа в кузове и колыхаясь в такт движению, думает:

«Кажется, и в этот раз... выкрутился!».

Глава 10

Выкрутился, да. Вот только пока ехали, он так ничего и не смог рассмотреть вокруг себя. А ещё боль во всём теле... Болело, кажется, всё: плечи, ноги, спина, голова, как после ожога горела кожа на лице и шее... Не болела разве что правая рука, вернее, то, что от неё осталось. Видно, рана затягивалась...

Ну и главное... он почти ничего не видел. Кто его везёт? Куда? Помнил только разговоры добрых людей и надеялся, что всё так и будет, как решил шепелявый. Но оглядеться ему хотелось. Пытался по карманам нащупать тюбик с каплями для глаз, но не мог.

«Неужели выпал из кармана? Или капли закончились, и я его выбросил? - он вообще плохо помнил этот свой переход. Как он шёл почти шестнадцать часов? - Как шёл? Да как во сне... Это всё от препаратов!». От огромного количества разной химии, которую бывший оперуполномоченный принимал за последние пару дней.

Да и сейчас голова его была тяжела. И каждое движение квадроцикла по неровной почве отдавалось ему приступом боли. Бывшему уполномоченному даже казалось, что пока они ехали, он пару раз... засыпал, что ли. И приходил в себя, когда его снова встряхивало на ухабах. А потом всё стихло... Мотор был заглушен, и Горохов понял – по тому, как потемнело перед глазами, – что они остановились где-то в тени. Пришли люди, судя по голосам, молодые и взрослые, в основном то были женщины и дети. Они разговаривали... И наконец к нему прикоснулись.

- Инженер! – это говорил мужчина. – Давай-ка мы тебя вытаскивать будем. Ты держись.

- Да, - снова сипит Андрей Николаевич, и его и правда вытаскивают из кузова квадроцикла... Он пытается сам сделать несколько шагов, но они отдаются болью в мышцах ног, особенно в икрах и коленях...

Боль вполне себе ощутимая, бывший оперуполномоченный даже припадает на каждом шаге и не понимает, как он шёл всю ночь, не ощущая этой боли. Потом его укладывают на мягкий пол и раздевают, какая-то женщина руководит этим процессом.

- Всё это забирай, постирай...
- Клещей нет? – спрашивает другой женский голос.
- Вроде нет. Неси воду – потом ещё раз осмотрим.

И когда Андрей Николаевич остаётся совсем без одежды, его начинает бить озноб. Странное чувство. Кондиционер, конечно, работает. Но всё равно, так быть не должно. А тут его ещё начали обтирать мокрой тряпкой.

- Трясёт его... Он горит.
- За бабкой Кристиной послали?
- Да. А пока принеси ему настой жёлтой травы. И мазь в глаза положим.
- Настой заварю сейчас.

Он чувствует, как его накрывают какой-то лёгкой материей, и после проваливается в сон... Или в забытье.

- М-м-м-м-м... - кто-то размеренно мычит прямо рядом с ним. – М-м-м-м-м-м...

К его лицу прикасаются, по щеке, заросшей щетиной, проводят не очень-то мягкой рукой:

- Слышишь меня? – это голос немолодой женщины. И теперь рука прикасается к его лбу. Возможно, это и есть бабка Кристина, о которой он уже пару раз слышал. Но в палатке есть ещё кто-то, может даже не один.

А ещё он чувствует запах дыма. Так пахнут цветы колючки перед тем, как превращаются в пух. И этот дым... Он совсем рядом, кажется, над его лицом.

- Да... - вместо слов сипение. Горохову приходится откашляться, прежде чем он может произнести уже членораздельно. – Да.

- У тебя грибок, да? Ты кашлял кровью, - говорит женщина. – А ран на теле я не нашла.

- Да. Грибок... - отвечает Андрей Николаевич. – Там у меня в одежде была баночка с таблетками... Мне нужно выпить одну.

- Хорошо, сейчас... Река, дай-ка вон...

Она не отходит, но он слышит, как кто-то берёт баночку и потряхивает её – таблетки гремят, а старая женщина спрашивает: - А что у тебя с глазами?

- Я ничего не вижу, - отвечает бывший оперуполномоченный. Он и вправду видит перед собой что-то серое, с едва различимыми оттенками и контурами. – А что там с ними?

Женщина склоняется над ним, и он слышит, как позвякивает её монисто.

- Как будто солнцем выжжены, - говорит женщина. – Знаешь, что такое солнечная слепота?

- Это у детей бывает, - вспоминает Горохов.

- Да. Только у тебя в десять раз сильнее. Я принесла мазь, попробую, вдруг поможет, хоть немного... - она молчит несколько секунд, - только думаю, что ты уже не будешь видеть как прежде, у тебя зрачки стали мутные.

«Зрачки стали мутные!».

Что он может ей на это ответить? Горохов молчит.

- Так что случилось с твоими глазами? – не отстаёт она.

- Не знаю, - в общем-то, Андрей Николаевич и не врёт. Он действительно не знает, что с ними произошло.

- М-м... Не знаешь? – он чувствует, как к его губам что-то прикасается. – Твоя таблетка, бери... - потом она подносит к его рту чашку. – Это надо выпить всё.

Жёлтая трава. Отвратное пойло. Мать поила его этой дрянью в детстве. Тогда он мог выпить едва ли три глотка, а теперь смиренно выпивает всё до самой последней капли.

- Молодец, – говорит женщина. – Ты сейчас заснёшь. До утра спать будешь, боль уйдёт. Может, утром тебе лучше и не станет, но будем молиться, чтобы хуже не было. Ты весь изъеден...

- Изъеден? – не понимает он. – Клопами?

- Нет... - отвечает женщина. - Бедами своими.

«Бедами... Ну, тут с нею не поспоришь!».

- А беды и горести иной раз едят человека похуже клеща, – продолжает она. – Тебе надо забыть о них. Моё питье тебе поможет. Ты будешь спать спокойно.

И тогда Горохов находит её оставшейся рукой... Прикасается к её руке.

- Тебя зовут Кристина?

- Да, меня зовут Кристина, – отвечает женщина. И потом произносит: – Айна, заложи ему мазь в глаза.

К нему снова прикасаются женские руки. Мазь тоже не очень хорошо пахнет, но ему всё равно. Он спокойно переносит манипуляции со своими глазами. И когда всё закончено, вспоминает:

- Кристина!

- Чего тебе? Болит что? – она курит, от неё пахнет табаком. А у него всё болит, но сейчас это не главное:

- Там, среди моих вещей... Пробирка.

- Что? – не понимает старуха.

- Колбочка прозрачная, с крышкой, стекляшка... - поясняет Горохов. – Там прозрачная... масло такое бесцветное.

- Вот... Это? – говорит одна из молодых женщин, и что-то продолговатое и гладкое касается его пальцев.

- Да, это она. – Андрей Николаевич сначала забирает пробирку, а потом отдаёт её и произносит: – Эту вещь... она очень ценная... её нужно держать на солнце, но так... чтобы она не пропала. Чтобы никто не взял.

- На солнце? Положу её на крышу палатки, я там вялю дрофу. Не бойся, эта баночка не пропадёт. Будь покоен, - обещает ему Кристина и заканчивает: – Всё, спи... - её рука ложится ему на горящую кожу лба... - М-м-м-м-м-м-м... - снова начинает мычать женщина. И под этот звук он успокаивается. И кажется, как будто жжение на коже от прикосновения её грубой руки утихает...

Он протирает и протирает глаза. Они слиплись... Чувствует под пальцами мазь, но от этого картина не улучшается. Размытые тёмно-серые пятна на сером фоне. Бывший оперуполномоченный может только догадываться, кто с ним рядом. Скорее всего, это женщина. А за пределами палатки мужской голос. Судя по всему, из-за него он и проснулся. Или, может, оттого, что болит голова... Горохов шевелит рукой.

- Проснулся, – да, рядом с ним женщина. – Кристина сказала дать тебе еды. А потом отвар выпить... Ещё раз. Слышишь?

- Да, - хрипит со сна Андрей Николаевич. Он пытается встать; кажется, под ним мокро. Пахнет мочой, болят все мышцы, а во рту неизменный привкус железа.

- Куда ты?! – восклицает женщина. Она говорит с ним довольно властно. Казачки так и с детьми разговаривают. – Не вставай! Лежи! Кристина не велела тебе подниматься!

- Мне нужно по нужде! По малой... - и тут же от простого движения, от попытки подняться, сильная боль словно прострелила голову... - Ы-ы... - он стиснул зубы. – Зараза!

«Тут манометр нужен, измерить давление. Только лопнувшего сосуда в башке мне не хватало до полного комплекта... Хотя откуда манометр у этих степняков? Тут бабка Кристина лечит прикладыванием руки к голове. Впрочем, после переутомления высокое давление маловероятно». Но эти размышления боли в голове не унимали.

- Лежи, говорю тебе. Я сейчас всё принесу, - всё так же твёрдо повторяет она. – Лежи!

Когда женщина выходит, у палатки снова слышится мужской голос, слов Горохов разобрать не может, но у него нет сомнения, что мужчина интересуется им. Бывший оперуполномоченный уверен, что казак пришёл поговорить с ним.

Бульон из дрофы, в степи его называют варевом. Мясо птицы, немного яиц термитов, острый чеснок, рубленые побеги кактуса: варево получается жирным, солёным и клейким. Это вкусно. Хотя блюдо очень непростое, его приходится варить больше часа. В степи же всё стараются делать на бесплатном солнце: жарят и пекут на скалах, сварить яйца или чай можно на песке в полдень. Огонь разводят в редких случаях, для него, видно, развели.

Женщина сидит рядом с ним, он чувствует её запах, а она его кормит, она умеет кормить. Горохов выпил целую миску, не вставая, и, кажется, ни одна капля не упала на него, а потом она, вытирая ему губы, спрашивает у него:

- У тебя хватит сил поговорить с атаманом?

- Да, - отвечает Андрей Николаевич; он надеялся, что это будет его знакомец Лёва Ходи-Нога, но это был не он. В палатку пришли двое неизвестных и, судя по голосам, молодых человека. Один из них сказал:

- Я Миша-Пистолет. Со мной атаман Дима Когтев, а тебя мы знаем, ты инженер, что копал тут землю.

- А что... с Лёвой? – спрашивает Горохов, он после бульона почувствовал себя получше, но голова у него раскалывалась. И ему неудобно из-за запаха мочи. Они ведь тоже его заметили. Не могли не заметить.

- Лёве пуля попала в живот... - произносит тот человек, что до этого молчал, это и есть атаман Дима Когтев.

«Значит, в лодке матросик что-то напутал про Лёву. Интересно, а сколько лет этому атаману? Если судить по голосу, нет и тридцати. Может быть, даже двадцать пять!».

- ... перебила позвоночник. Мы отвезли его к врачам, в Губаху. Врачи сказали, что восстановят его, он будет ходить, но это будет через много дней... Уже к самой жаре. Он в ванной лежит.

- Врачи... Врачи много возьмут за это, - не спеша произносит Андрей Николаевич.

- Очень много, - добавляет атаман. Они помолчали, и он продолжил: – Тебя искали серьёзные люди.

- Когда? – сразу спросил бывший уполномоченный. Это его интересовало в первую очередь. И атаман Дима успокоил его:

- Шесть дней назад они тут были.

«Шесть дней... И казаки, естественно, ничего им обо мне сказать не могли». Это успокоило его... Но теперь ему нужно было знать подробности.

- Что обо мне говорили?

- Говорили... что ты опасный человек, – отвечал атаман. – Но это мы и так знали.

- А что говорили о себе?

- Что из Трибунала, – отвечает Дима. – Сказали, что ищут тебя за убийства.

- Обещали чего-нибудь? – уточняет Андрей Николаевич.

- Технику, патроны, деньги, - это сообщает Миша-Пистолет. – А ещё сказали, что будут с нами дружить.

- Дружить? – переспрашивает бывший уполномоченный. «Это что-то новенькое».

- Да, сказали, что хороший атаман должен иметь друзей в Трибунале, с друзьями ему будет лучше, – отвечает Пистолет.

- Ты не волнуйся, - тут снова заговорил атаман. – Ты друг Лёвы Василька. Друг Еремья. Ты забрал сыновей Самары. Ты друг нашего куреня, ты степной, а они – городские. Они никто.

Впрочем, в том, что эти люди его не отдадут, он был уверен. Ведь он для них почти родственник. Спасибо Самаре. И Андрей Николаевич, вздохнув, так как его сейчас стало подташнивать, сообщает им:

- Ниже по течению... километров сорок-сорок пять... на том берегу есть русло высохшей реки.

- Знаем, – коротко констатирует Миша.

- Там, метрах в ста от берега, я оставил грузовик, – продолжает бывший уполномоченный. – Хороший грузовик. Почти новый. Заберите его себе.

- На той стороне реки... - произносит атаман, как бы размышляя.

- На той стороне реки много даргов, – напоминает Миша-Пистолет.

- Нет... - уверяет его Горохов. - Там всё в норах шершней... Я ехал... почти спокойно. Видел следы людоедов... всего пару раз...

- Грузовик пустой? – уточняет атаман.

- Полный... - рассказывает Андрей Николаевич. - Снаряжение, оружие, патроны, топливо, провиант, аккумуляторы... Там всё самое лучшее, я себе подбирал... Забирайте машину.
- Машину нам отдаёшь? – уточняет атаман Дима.
- Машину... и всё, что в ней... вам отдаю.
- Завтра съезжу туда, – кажется, Миша-Пистолет заинтригован его предложением. –

Погляжу, что там.

- А что себе взамен хочешь? – спрашивает атаман.
- Как отлежусь... - он несколько секунд думает, – отвезёте меня туда, куда скажу.
- Договорились, – заканчивает разговор атаман.

Горохов не сомневается, что они уже завтра будут на той стороне реки.

Казаки уходят, и снова в палатке появляются женщины. Они перекладывают Горохова на другое место и меняют войлок на полу, женщины говорят меж собой тихо, делают всё быстро. А потом та, что кормила его, и говорит:

- Сейчас заложим тебе мазь в глаза, потом тебе нужно ещё поесть, а после выпьешь отвар, – он и не собиравшись ей возражать, но она убеждает его: – Так Кристина сказала.

«Кристина так сказала... Как бы ещё всё это съесть, выпить, а потом удержать в себе с такой тошнотой».

Ему остаётся только крепиться.

Глава 11

Этот отвар из жёлтой травы... Она что-то в него добавляет. Андрей Николаевич не помнит, чтобы в детстве такой отвар, что варила ему мать, так отключал его. И отключал надолго. Когда бывший оперуполномоченный очнулся, он почувствовал запах дыма. И запах еды. В степи, если нужно что-то варить или жарить, это делают с утра.

Бывший оперуполномоченный откашливается, и прежде чем он заканчивает кашлять, в руку ему вкладывают тряпку, чтобы он мог сплюнуть кровь со слюной.

- Река, это ты? – спрашивает он потом.
- Да, это я...
- Спасибо тебе.

Но она не отвечает. За такую помощь благодарить у них не принято, как, например, за воду или бензин в степи. Вот она и не ответила ему. Дескать: за что спасибо-то? И женщина продолжает:

- Болит что у тебя? Баба Кристина наказала спросить, что болит.

Он прислушивается к себе... Кажется, боли утихают... Кроме боли в глазах. Его сейчас даже не тошнит. Почти...

- Мне нужно... - он не стал договаривать, она и так всё поняла:
- Сейчас принесу.

А принесла ему посудину для нужды, сказала:

- Сначала тебя помою, потом будем есть, варево уже сварилось. Или ты ещё что-нибудь хочешь. Паштет? Или, может, тебе яиц термита с лепёшкой сделать?

- Потом помоешь... пока... давай варево, – оно ему понравилось. И Андрей Николаевич был рад, что у него появились предпочтения, а значит, хоть какой-то аппетит. Когда она принесла посуду с едой, он сразу почувствовал это... И сказал, протягивая руку:

- Дай мне чашку... Я сам поем.

Река подаёт ему посуду:

- Вот... Вот. Бери!

Но он не удерживает полную чашку и едва не расплескивает содержимое. У него, как у инвалида или старика, рука ходит ходуном... Женщина молча забирает у него похлёбку и дальше кормит его как в прошлый раз, умело, аккуратно. Все её движения спокойны, она как

будто знает, когда поднести чашку, а когда убрать её и вытереть лицо, а он чувствует, как у него в мышцах потихоньку утихает боль, она уже не такая резкая, как была день или два назад. Даже голова почти не болела... если, конечно, лежать и не шевелиться. В общем, исключив кашель с кровью и боль в глазах, можно было сказать, что ему становилось лучше.

Когда с приёмом пищи было закончено, Река принесла таз с тряпкой и стала его тщательно вымывать – и вдруг остановилась... А потом спросила:

- Ты забрал сыновей Самары, где они теперь?

- Они с моей женой, - чуть подумав, ответил бывший оперуполномоченный.

- Жена твоя... одна осталась в городе? – не то чтобы она говорила это с упрёком, но что-то вроде сомнения или беспокойства в её тоне, конечно, было. Но волновалась она не за его жену.

- Одна, она беременна. Парни ей помогут, пока меня не будет, – объясняет ей Горохов.

- Одной без курения и без мужа плохо... - для степняков это было равносильно смерти.

– Есть у неё кто ещё? Братья, сёстры?

- Нет, – коротко отвечает Андрей Николаевич.

- Э-э-э... - с сожалением тянет Река. - А если ты... - она снова принялась его мыть, – если ты не вернёшься к ним? Кто её возьмёт с тремя детьми? В городе вдовы с детьми, говорят, никому не нужны.

- Она красивая. Найдёт кого-нибудь... – отвечает ей Андрей Николаевич. – А ещё я ей оставил много денег. Ей не нужно будет работать до старости. А парни – они толковые... Вырастут – не пропадут.

Больше ни о чём она его не спрашивала, доделала своё дело и после дала целую чашку противного отвара жёлтой травы. Горохов выпил его не без усилия. А потом быстро уснул.

- Инженер?! Спишь-не спишь? – это был шепелявый. Он заглянул в палатку, но не вошёл, присел у входа. Сидит курит. Запах дыма дешёвого табака сразу напомнил Андрею Николаевичу, что он не курил уже очень давно.

- Не сплю, - отвечает бывший оперуполномоченный, а сам прислушивается к своим ощущениям. И ему кажется, если не делать резких движений, то и сильной боли уже нет. Даже глаза уже ломит не так, как день назад.

- Бабка Кристина сказала, что ты уже получше.

«Получше?».

Он открывает глаза и едва различает контуры человека, с которым разговаривает. По сути, глаз у него больше нет. И руки... А так – да, кажется, ему стало легче. Но скулить перед казаком он не собирается.

- Мне уже лучше. А как тебя звать? Я помню твой голос, а имени не помню, - говорит Горохов и проводит рукой по заросшему щетиной лицу. Мышцы в руке сразу отдают болью. Ещё и дельта над ключицей побаливает.

- Так, конечно, ты меня помнить должен, Еремей я, - отвечает ему казак, выпуская дым.

- Еремей, - повторяет Горохов. И теперь понимает, почему его собеседник шепелявит. Он давно не молод. Скорее всего, у старика губы зарастают желваками проказы.

- Ага... Хорошо тогда, - продолжает шепелявый. – Я пришёл сказать, что Пистолет с молодыми ездил смотреть твой грузовик. Привёз кучу всего хорошего. Да... Много привезли вещей. И сказали, что грузовик тоже хороший.

- Он и грузовик перевёз?

- Э-э... На чём? – отвечает гость. – Нет, они взяли то, что на наших лодках можно было перевезти. А вот атаман, так он поехал в Полазну говорить с капитанами... Найдёт большую лодку, сразу заберёт грузовик. Пистолет говорит, там место удобное.

Горохов поднимается, с него падает тонкое полотно... боль в мышцах, особенно в грудных и в голених, вполне себе ощутимая.

- О-о! – тянет Еремей вдруг. – Вон как тебя прижало...
 - Чего? – не понимает Андрей Николаевич.
 - У тебя плечи чёрные, - продолжает казак. - Это от рюкзака небось.
- «Чёрные».

Андрей Николаевич трогает рукой свои мышцы вокруг ключиц. Под препаратами он ничего не ощущал, зато теперь прикосновения болезненны.

- Сколько же ты шёл? – интересуется казак. – Ты же шёл от реки?

- Да, от реки, - Горохов не хочет говорить, где именно он высадился с лодки на берег. Конечно, его следы давно замело, но всё равно...

- Значится, до первых наших снастей, где мы тебя сыскали... - тут Андрей Николаевич слышит, как чиркает зажигалка, Еремей закуривает новую сигаретку и подсчитывает: – Километров сорок ты прошагал. Ага, сорок это по прямкам... А по барханам ещё набавим верст десять... Пятьдесят вёрст. Никак не меньше. И сколько же ты шёл, где спал?

- Нигде не спал, - отвечает бывший уполномоченный, продолжая ощупывать свои мышцы.

- Так и шёл, не останавливаясь? – уточняет Еремей.

- Думал, что если лягу и засну – уже не встану, – говорит Андрей Николаевич.

- Силён... Силён ты, инженер, – продолжает курить Еремей. – Я это ещё в тот, в первый раз про тебя понял.

- Повезло просто, - размышляет Горохов.

- М-м, - понимает казак, - ну да, ну да... Там тебе Река хорошей еды приготовила... Ты, это, кушай, кушай, поправляйся... Атаман вернётся, мы с тобой обо всём поговорим ещё.

- Хорошо.

- Слушай... - Еремей, кажется, докурил.

- Ну? – Горохов почему-то подумал, что знает, о чём сейчас спросит его старый казак. Подумал – и не ошибся.

- Пистолет сказал, что там, возле грузовика, чьи-то кости... Свежие ещё, мотылёк их не до конца обглодал. Может, ты знаешь, чьи это?

- Может, и знаю, - отвечает Андрей Николаевич, и сколько казак ни сидит рядом, ожидая продолжения, так больше ничего и не произносит.

- Угу, - наконец заканчивает Еремей, но прежде чем уйти, вдруг вспоминает: - Да, ты это, если что... Река, она не замужем... - тут он, видно, взглянул на глаза Андрея Николаевича и, поняв что-то, стал описывать казачку: - Она женщина красивая. Да... Ладная вся... Не старая ещё, лицо без проказы... почти... Так что... если что... она не против будет.

- Мне пока... - Горохов делает паузу, – пока не до этого.

«Видно, старый дурень не знает, что у меня, ко всему прочему, ещё и грибок. Иначе такую хорошую Реку мне бы не подсовывал, пожалел бы бабу».

- А, ну да, ну да... Понимаю... Но это я тебе так, на всякий случай. Вдруг там что... Она ведь тут, с тобой, спит... А рядом спать всегда приятнее...

- Я понял. Буду иметь в виду, - отвечает бывший оперуполномоченный.

Пришла Река и говорила с какой-то ещё женщиной у входа в палатку, и тогда Еремей ушёл. А женщина вошла вскоре и сказала:

- Сейчас помою тебя опять и будем есть. А потом придёт Кристина, говорить с тобой хочет.

Она протягивает ему, как и в прошлый раз, посудину, заменявшую медицинскую «утку», но Андрей Николаевич говорит ей:

- Не нужно... Я хочу встать... Выйти хочу.

- Встать? – женщина сомневается.

- Да, – настаивает он. – Помогите мне.

Она соглашается. Да, мышцы почти не болели, если не шевелиться; теперь же заболели и спина, и поясница, и ноги: колени и мышцы вдоль голеней. Но он всё равно встал. Река помогла ему, а когда он уже поднялся, повязала ему лёгкое покрывало вокруг талии. И Андрей Николаевич сделал первые шаги, которые, естественно, только усилили боль в ногах. Он покачнулся, и если бы не женщина, возможно, упал бы. Но Река удержала его и повела к выходу. Он не просто хотел справить нужду на улице. Бывший уполномоченный собирался выяснить границы своей дееспособности. Честно говоря, в глубине души Горохов надеялся, что это только в полутёмной палатке он так плохо видит, а на свету его зрение улучшится.

Это было глупо. Конечно, нелепые надежды не оправдывались. Может, солнце и прибавило ему немного зрения, но незначительно. Бывший уполномоченный несколько секунд стоял, поддерживаемый под руку Рекой, стараясь фокусировать взгляд, переводя его со света на тёмные объекты. И, к своему разочарованию, понял, что почти ничего не может разобрать, кроме контуров и теней. Да и то только тех, что были рядом.

«Если кто встанет метрах в десяти от меня, между мной и солнцем... Ну, тогда... возможно... я попаду в него...».

У него от солнца начинают гореть плечи. А потом и спина... И это странно: судя по всему, солнце ещё не высоко. А он не из тех людей, кто быстро сгорал под солнечными лучами. Но сейчас его не это беспокоит, его волнуют глаза.

Вокруг них стали собираться люди, и не только дети; он слышал, как переговаривались женщины невдалеке. Андрей Николаевич бросал взгляд своих почти не видящих глаз в сторону этих женщин, прикидывал расстояние и думал, попадёт ли в подобные цели из револьвера... Если цель стояла на фоне чего-то тёмного... он не мог разобрать её контуры.

«Всё... Глазам конец».

- Ну что, пойдём мыться? – спросила у него Река через некоторое время.

- Да, - невесело отвечал ей бывший оперуполномоченный. – Пошли.

Боль в мышцах, проблемы с бывшими коллегами, потеря всего его прошлого мира и даже грибок так не опустошали его, как ощущение пришедшей слепоты. Слепоты, а значит, полной недееспособности.

В его детстве, в молодости такие, как он, то есть люди, становившиеся обузой для своей общины, уходили в степь без воды. Сами. Неможных стариков и неполноценных детей тихонько убивали «хозяйки смерти», старухи, что сами ещё могли приносить людям хоть какую-то пользу. Обычно они давали немощному «полезный» настой на корнях лимонника. И несчастный почти без мучений умирал.

Но это было... тридцать, двадцать лет назад, с тех пор многое изменилось. И бывший оперуполномоченный готов был ещё немного побороться:

«С настоем лимонника я пока повременю!».

Глава 12

Пришла баба Кристина, она ещё ничего не сказала, только села рядом, а он сразу узнал её по запаху табака. Старуха стала трогать его... Её шершавые пальцы прикасались к больным местам, к плечам, к лицу... Она, кажется, не осматривала его, а ощупывала... И даже надавливала. Эти её прикосновения причиняли ему боль, но Андрей Николаевич не издавал ни звука. И тогда Кристина спросила:

- Узнал меня по рукам?

- По запаху... - отвечает ей Андрей Николаевич, - ещё до того, как ты прикоснулась. Табак твой... хорошо пахнет.

- Да, а ещё он забивает запах стариков. Я, когда была молодой, я не любила, как пахнет старость, даже в палатки к тем, кто пережил пятьдесят вёсен, не заходила, – она продолжает к нему прикасаться, словно поглаживает. - Думала, что там воняет смертью...

Горохов вспомнил, что люди степи после пятидесяти, как правило, все уже поражены проказой, а у проказы свой, кисло-сладкий, запах, похожий на запах разложения. Но сейчас его больше интересует он сам, а не какие-то больные старики. В общем-то, ему было и так всё ясно, но нужно было мнение человека, который хоть что-то понимает в болезнях, и он задаёт главный вопрос:

- Что с моими глазами?

- М-м... - Кристина отвечает не сразу. Она ещё и вздыхает по-старчески. И уже от этой её неторопливости его представление о своём зрении лишь укрепляется. И Кристина наконец произносит:

- Сгорели твои глаза... Кожа, она облезла и вырастает снова, а вот глаза... они... они у тебя белые...

«Белые... Она имеет в виду радужку, разумеется».

Андрей Николаевич не думал, что всё так плохо, ведь свет он пока ещё отличал от темноты...

- Ну ладно... Ты скажи, как ты себя чувствуешь? Не болит ли нутро? Может, что беспокоит?

«Нутро...».

Его в самом деле донимала сейчас не столько боль, сколько...

- Тошнота не отпускает.

- Тошнота, - повторяет старуха, - М-м-м... У меня есть одно снадобье, я даю его беременным, когда она совсем их изводит, снадобье иной раз им помогает. Реке скажу, будет тебе давать помаленьку.

- Было бы неплохо, - и тут он вспоминает: - А что там у меня с кожей?

- Так ты, что, не чувствуешь? Она же у тебя с лица слезла... - отвечает ему старуха. - Уже новая растёт... Красная...

Андрей Николаевич удивляется и проводит рукой по лицу, начинает ощупывать лоб, щёки, но щёки заросли щетиной, а вот лоб... Он действительно весь в отмирающей коже, в мёртвом эпидермисе, под которым сразу нащупывается свежая, гладкая дерма. Даже на ушах он чувствует шелуху, которая легко отслаивается от тканей.

Но всё дело в том, что всё это проходило для него... почти безболезненно.

«Это же последствия ожогов! Ну а чего ещё? Но раз так, почему я не чувствовал боли? Неужели... из-за обезболивающих?».

Нет, он не знал ответа на эти вопросы.

- А ты, что, не чуял, что с тебя кожа слазит? - спрашивает тут его бабка Кристина.

- Нет, - коротко отвечает он. - И что, везде так? По всему телу?

- Везде, по всему телу, - продолжает знахарка. И Горохов снова чувствует её прикосновения, она проводит по его руке, по левому боку, по животу, - а я тебя трогаю, трогаю, ты должен боль чують, а ты не чуешь, я уже думала, что ты такой крепкий, что вида не подаёшь... Я уже у Реки спрашивала: моет она тебя? А она говорит: мою. Я спрашиваю: шкура с него слазит? Она говорит: слазит. Я спрашиваю: а он терпит? И она говорит, что звука не издал. Вот я пришла поглядеть...

Андрей Николаевич ничего на это не отвечает, но старуха продолжает:

- Скажи мне, что с тобой было, где с тобой это приключилось. То не бабье любопытство, ты поверь мне, старой, просто думаю, как тебе помочь... А как я могу помочь, если не знаю, что с тобой?

- Я сам не знаю, - после долгой паузы отвечает он ей.

- Ну, не знаешь, так не знаешь... - Горохову кажется, что она немного разочарована, а старуха щёлкает зажигалкой, и в палатке становится так тихо, что он слышит, как потрескивает табак в раскуриваемой трубке.

- У тебя есть деньги? – наконец произносит она.

- Сколько тебе надо? – интересуется бывший оперуполномоченный.

- Мне? – старуха подумала немного. – Если хочешь дать мне, то дай... десять рублей, я куплю лекарств для нашего коша, но я спросила про другие деньги, про деньги для тебя. Сейчас можно найти врачей, которые отстроят тебе новую руку и сделают новые глаза.

Андрей Николаевич только и сказал ей:

- Может, найду...

- Найдёшь, - уверенно произносит она, - раз ты отдаёшь нам целый грузовик со всякими дорогими вещами, значит, у тебя есть ещё больше. Ты ведь мог его нам не отдавать, Пистолет говорит, что ты грузовик хорошо спрятал, его никто бы не нашёл до самых дождей. Но ты отдал...

- К чему ты клонишь? – не понимал Андрей Николаевич.

- К тому, - она делает несколько затяжек, и он чувствует, что их обоих окутывает облако табачного дыма, - чтобы ты не грустил, ты хороший человек, честный, хотя и опасный, мы тебя не бросим.

Он знал об этом, он на это надеялся ещё там, у блока пришлых, когда только приходил в себя после того, как Оглы помог ему сесть в грузовик.

- А глаза ты себе сделаешь новые, - продолжает Кристина и потом заканчивает: - Я позову Реку и сниму повязку с твоей культы, а то Река говорит, что она у тебя уже воняет, боюсь, как бы не загнила, как бы жар не начался... - его лба снова касается грубая рука старухи, - а жар нам сейчас совсем не нужен.

Насчёт повязки решение старухи было правильным: биогель, конечно, схватил и запечатал сосуды и всю рану в общем, но контролировать восстановление тканей он не мог. Новая кожа нарастала неравномерно, мышцы, связки и кость всё ещё торчали из руки. После того как Река покормила его, пришёл один молодой парень и ещё одна женщина. Ему сделали укол в плечо над обрубком, а когда всё плечо перестало что-то чувствовать, начали спиливать лишнюю кость, потом натянули кожу на культю, зашили её. При этом он не спал и не терял сознания, он слышал их разговоры и чувствовал прикосновения, но боли бывший оперуполномоченный не испытывал. После операции ему сделали ещё один укол и снова принесли целую чашку отвара жёлтой травы.

Река его омыла, сделала укол – старуха прописала ему антибиотики – и прежде чем выйти из палатки за едой, сказала:

- Атаман спрашивал меня, когда можно с тобой поговорить, я сказала, что после еды... Будешь говорить с ним?

- Да, - честно говоря, Андрей Николаевич уже и сам подумывал об этом. Разлёживаться тут дальше он не хотел, а после обработки культы он стал вставать и даже выходить по нужде, выход из палатки он мог ещё различать. В принципе, чувствовал он себя уже получше, даже глаза у него почти не болели, видно, болеть там уже было нечему, ну а головная боль и не проходившие приступы тошноты – так к этому он уже стал привыкать. – Позови его, только дай мне одеться... Хотя бы штаны.

- Они тут, - женщина вернулась и положила перед ним стопку его одежды, - вот... Помочь тебе?

- Нет, – он нащупал своё галифе и не без усилий надел его. Этого хватило; рубаху надевать не стал – последнее время грудь, живот и спина у него чесались, и он боялся, что ткань будет вызывать лишнее раздражение.

Атаман Когтев пришёл не один, с ним были Миша-Пистолет и шепелявый Еремей.

- Ну, как ты? – сразу поинтересовался атаман.

- Спасибо вашим женщинам, - отвечал Горохов. – Уже могу ходить.

- Да, у нас хорошие женщины, – соглашаются казаки. А Пистолет продолжает: – Такой, как наша Кристина, ни в одном другом коше нет. Она настоящий врач, как в городе.

- Да, да, - соглашаются с ним другие казаки. – Нет такой ни у кого.

А потом атаман сообщает ему:

- Мы переправили грузовик на этот берег. Жулики-лодочники с нас содрали немалую деньгу...

- Такие барыги, уроды... - добавляет Миша-Пистолет. – Работы у них было на три часа... А взяли с нас двадцатку...

- Э-э... машина того стоила... - шепелявит Еремей.

- Машина стоила, стоила... - соглашаются с ним товарищи, - хорошая машина, нашему грузовику уже пятнадцать лет, весь варенный-переваренный, а этот почти новый...

И весь этот разговор был обычной, беззаботной болтовнёй благодарности, которая потихонечку перерастает в выпивку... так как женщины уже позвякивали посудой, расставляя еду перед мужчинами...

И тут вся благодность этого общения для Андрея Николаевича заканчивается, едва он слышит от атамана Димы:

- Лева Ходи-Нога желает тебе удачи.

- Что? – у Горохова холодеет спина, и это не из-за кондиционера. – Ты же говорил, он в ванной лежит.

- Всё, его достали оттуда, – радостно сообщает Пистолет.

- Так он же... вы говорили, в Губахе? – вспоминает бывший оперуполномоченный. – Из вас кто-то в Губахе был?

И тут атаман сообщает ему:

- Да нет... Это я когда в Полазне был, когда лодку для грузовика искал, я звонил в Губаху, узнать о его здоровье, ну вот... А он уже, оказывается, может говорить, ну я и сказал ему, что ты у нас...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.